

Отдельные номера въ Петроградѣ шестьдесятъ пять (65) коп., въ провинціи семьдесятъ (70) коп., на станд. жел. дор. 75 коп.

РЫНОКЪ НЕВОЛЬНИЦЪ ВЪ ТЕОДОСИИ.

Рисунокъ для «Огонька» худ. М. РОШКОВСКАГО.

Эвакуировавшіяся съ кавказскаго фронта россійскія войска навезли съ собой приобретенныхъ солдатами женщинъ. Въ Теодосіи былъ устроенъ специальный невольничій рынокъ и выставка рабынь на возахъ и эстрадахъ. Цѣна за женщину—по свидѣтельству «Новой Жизни» Максима Горькаго—не превышала 100—150 руб. Съ прибытіемъ новыхъ партій рабынь цѣна упала до 25—30 руб. Рабынь покупали туземцы и отдавали жителямъ въ прислугу съ уплатой жалованья новымъ рабовладѣльцамъ.

Выдача „ОГОНЬКА“
для розничной продажи:
въ типографіи журнала

(Государственная Типографія, Гатчинская, 26, входъ со двора)

и во временной конторѣ „ОГОНЬКА“

Галерная 63, кв. 2, комната 4.

На биржѣ труда.

Очеркъ АВГУРА.

Наброски съ натуры для «Огонька» худ. М. ОЗЕРОВА.

I. Уѣзжаютъ.

1.

Биржа труда начала выдавать удостовѣренія на выѣздъ изъ Петрограда.

Подъ этой вывѣской пониже наклепнута оттиснутая изъ сиреневыхъ буквъ ротатора публикаціи, призывающія стать подъ знамена красной арміи и храбро защищать достоиніе социалистическаго отечества.

Но читаютъ только вывѣску, грустно кивая блѣдными головами, похудѣвшими, ввалившимися щеками. На объявленія частнаго, такъ сказать, характера, мало относящіяся къ этому зданію подъ черной вывѣской, не обращаютъ никакого вниманія.

Подъ сѣрыми цементными колоннами, напоминающими античныя колоннады, толпится народъ — увь все тотъ-же черствый къ сладкимъ звукамъ, къ утопическимъ возгласамъ народъ, столь же «антично», какъ и въ Римѣ, требующій увѣсистаго куска хлѣба, вѣрной работы, налаженного изодня въ день бытія.

2.

Совсѣмъ недавно, ходя изъ завода въ заводъ, я наблюдалъ у вагранокъ, пылающихъ зеленымъ пламенемъ мѣди, у печей, дышащихъ обрѣзками горѣлой кожи, на которыхъ мягко закаливается инструментальная сталь, — все сытые, «многодовольные» лица.

Заработки были болѣе чѣмъ широки и щедры.

Вокругъ прокопченныхъ стѣнъ фабричныхъ районовъ, за заставами, прильпились наскоро мелкіе ювелиры и отлочно расторгивались цѣнными вещами, такъ какъ богатѣвшій труженикъ станка и вагранки начиналъ по-

нимать, — какія цѣнности, помимо денегъ, единственно могутъ обезпечить его семью. Теперь довольство рухнуло въ нѣсколько недѣль.

Война — кормила. А внезапный миръ, не подготовившій мирнаго труда, ковки и отливки «ораль» вмѣсто пулеметовъ, во все стороны бросаетъ людей, собравшихся въ послѣдній разъ сюда на Кронверкскій, подъ эту сѣрую махину, глядящую какимъ то круглымъ минаретомъ на стеклянную шапку увеселительнаго Народнаго Дома.

На этотъ цементный минареть поднятъ бы муэдзина, который пропѣлъ бы своимъ фальцетомъ о прошломъ счастьи и нынѣшней захудалости.

Въ двери тянется толпа желчныхъ, раздражительныхъ людей.

Кто-то изъ распорядителей биржи написалъ размахисто на правыхъ половинахъ ихъ черныхъ пальто огромный цифры.

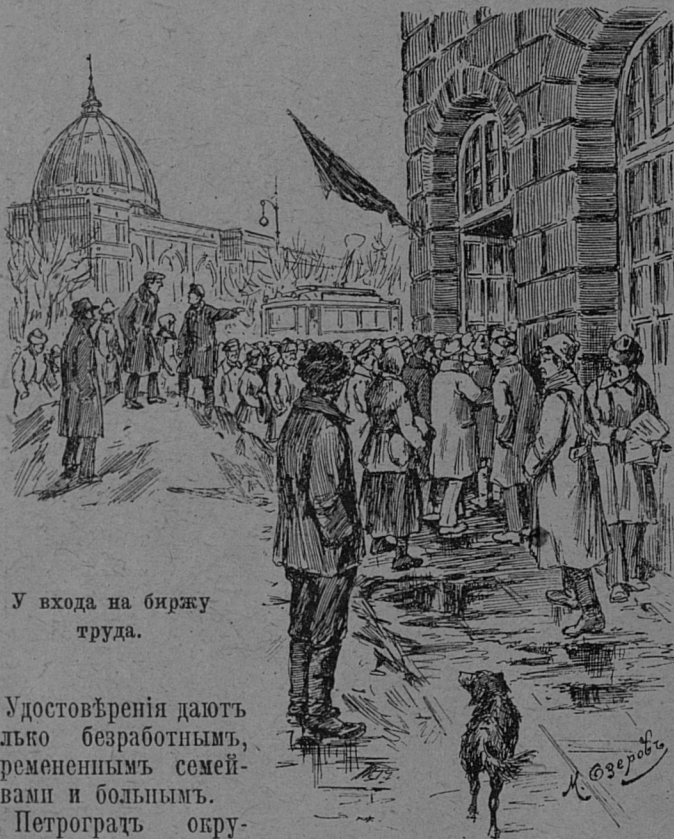
Мѣловые росчерки на черномъ фонѣ снова повторяютъ пессимистическій узоръ траурной вывѣски.

Сквозь эти скромныя двери вытягиваются въ сторону всей Россіи, деревень и городовъ, люди, которымъ суждено немало переиспытать ударовъ пролетарской судьбы прежде, чѣмъ паладится мало-малыски сносная работа.

Тутъ барышни и бабы въ ковровыхъ платкахъ, конторщицы и рабочіе съ желто-канареечными концами мозолистыхъ пальцевъ — очевидно, надъ взрывчатымъ метиломъ работали.

Лица ихъ — суровы, почти трагичны. Эхъ ты Русь, Русь горемычная!

Растерянный взоръ голубыхъ глазъ, пенка плохо расчесанныхъ волосъ. И уже забытымъ было, праѣдовскимъ смущеннымъ жестомъ тянется вся палатка въ затылокъ, чтобы крѣпко почесать и подумать: «А что же, молъ, дальше, ребятунки, будетъ?»

У входа на биржу труда.

Удостоверенія даютъ только безработнымъ, обремененнымъ семействами и больнымъ.

Петроградъ окруженъ разбитыми колеями желѣзныхъ дорогъ, и, какъ ни голодно живется всеѣмъ столичнымъ людямъ, а, по преимуществу, понятно, безработнымъ, немногихъ, очень немногихъ бѣдняковъ можно, по причинамъ тяжелой путевой разрухи, выпустить изъ гранитной западни «первой столицы».

Мрачно гудитъ черная, отошала толпа простолюдиновъ и интеллигентовъ вокругъ высоченныхъ стѣнъ, на которыхъ по траурной жестяной доскѣ бѣлыми, какъ попоны на траурныхъ коняхъ, огромными буквами мрачно выведено: «Петроградская городская биржа труда, петроградское отдѣленіе».

Въ отдѣлѣ справокъ и удостовѣреній.

3.

Рядомъ съ меланхолическими фигурами — люди бравые, смѣлые.

См. прод. на 3-ей стр. обложки.

312
Рукописи, присланные без обозначения условий, оплачиваются по определению редакции. Возвращение у копий не обязательно. Редакция просит фотографов-любителей и профессиональных присылать отчетливые снимки выдающихся событий. Помещенные в журнал фотографии оплачиваются по принятой редакцией расценке.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ художественно-литературный
ЖУРНАЛЪ

ОГОНЬКА

Годъ изданія II-й.

Цѣна „Огонька“
въ розничной продажѣ:
въ Петроградѣ 65 коп.
въ Петрограда 70 коп.
на ст. жел. дор. 75 ко.
—
Редакція „Огонька“
Петроградъ, Офицерская ул.,
№ 51.

№ 4

Воскресенье, 31 (18) марта 1918 г.

№ 4

Перепечатка литературного, художественного и фотографического материала „Огонька“ безъ полнаго узнанія источника воспрещается (Законъ 20 марта 1911 г.).

ПОСЛѢ ЗАКЛЮЧЕНІЯ МИРА.

Германскій пропускной пунктъ на новой демаркаціонной линіи вблизи Петрограда около Нарвы.

Рисунокъ для „Огонька“ худ. И. ВЛАДИМІРОВА по любительскому моментальному снимку.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Рассказ М. САЗОНОВА.

Иллюстрировал для „Огонька“ худ. С. ЛОДЫГИНЪ.

Боже, чего только не рассказывали про королеву Динору: и что будто бы еще в дѣтствѣ ее сполни чудодѣйственнымъ снадобьемъ, отъ котораго сердце сохранитъ только единственную способность—сокрушаться... И еще рассказывали, будто ее окурили напечатанными ягодами можжевельника, отчего ея глаза стали одинаково безразличны мужчинамъ и женщинамъ, все прекрасное и уродливое... и доброе и злое.

Говорили... Ахъ, да мало ли распускали сплетенъ про королеву, но самымъ достовѣрнымъ во всѣхъ этихъ розсказахъ была красота Диноры.

Много рыцарей юныхъ и прекрасныхъ тщетно добивались вниманія королевы. Она же, безстрастная и спокойная, неизмѣнно улыбалась:

— Глупые. Какъ будто я—Богъ, что у меня можно выкланчить милость... Это онъ богатъ, всемогущъ, щедръ, и ему ничего не стоитъ быть расточительнымъ... Я же—человѣкъ... даже меньше того, я—женщина... Я только нищенка, стоящая съ протянутой рукой при входѣ въ Его храмъ... и потому я скупа.. Это такъ понятно..

Злые шутки и холодное сердце Диноры охлаждали самую пламенную влюбленность, но вотъ однажды при дворѣ появился нѣкій рыцарь, по имени Альрихъ, душа котораго не вѣдала страха ни въ битвахъ, ни среди бушующихъ волнъ Ламанша.

Когда же при свиданіи съ королевой онъ показывалъ свой мечъ и вѣлъ неторопливый рассказъ о подвигахъ, отъ глазъ Диноры не укрылось, какъ дрожали ея пальцы, путались слова и пресѣкался голосъ.

Ужъ семь дней гоститъ рыцарь Альрихъ у королевы Диноры, ужъ семь дней слышитъ она рассказы о нравахъ и обычаяхъ далекихъ странъ, чудесахъ и рыцарскихъ турнирахъ въ честь прекрасныхъ дамъ. Вдругъ, а то было на восьмой день, рыцарь неожиданно умоляетъ, а королева, привыкшая къ комплиентамъ, подняла глаза и лукаво усмѣхнулась:

— Я васъ слушаю, сударь...

Наступило молчаніе, рыцарь всталъ и, не рѣшаясь поднять глазъ, молвилъ:

— Я рассказалъ все, королева...

— Очень жаль, сударь, если вы уѣдете... среди моихъ рыцарей нѣтъ столь искуснаго собесѣдника.

— Отъ васъ зависитъ, чтобъ я остался, ваше величество,—съ неожиданной смѣлостью произнесъ рыцарь.

Королева нахмурила брови.

— Что значатъ ваши слова, сударь?

— То, что я люблю васъ, королева,—отвѣтилъ ей рыцарь и поспѣшно добавилъ:—я-бъ никогда не осмѣлился признаться въ своемъ чувствѣ, еслибъ не былъ готовъ жизнью заплатить за одинъ только вашъ поцѣлуй.

— Вотъ какъ,—протянула королева и задумалась, а потомъ вдругъ неожиданно рѣшила:

— Хорошо... я вамъ подарю поцѣлуй, но только знайте, вы купите его дорогою цѣной...

— Хотя бы цѣною жизни...—воскликнулъ рыцарь.

— Въ такомъ случаѣ вечеромъ, когда въ озерѣ погаснетъ заря, я васъ буду ждать,—молвила королева и, не оборачиваясь, направилась къ себѣ.

* * *

— Мой поцѣлуй вы получите лишь послѣ того, какъ выпьете вотъ этотъ кубокъ... Но вино отравлено и жить вы будете лишь нѣсколько минутъ,—такими словами встрѣтила безсердечная королева рыцаря Альриха.

— Нѣсколько минутъ,—восторженно повторилъ Альрихъ и его лицо озарилось счастьемъ—да вѣдь это цѣлая вѣчность,—и, не задумываясь, онъ выпилъ ядъ, далеко отбросилъ кубокъ, крѣпко прижалъ къ своей груди поблѣднѣвшую Динору, потомъ запрокинулъ одной рукой ея голову и приникъ къ алымъ, не вѣдавшимъ еще поцѣлуя устамъ. Чувствовалъ, какъ холодѣетъ кровь, подкашиваются ноги, туманится голова и только бездонные зрачки обезумѣвшихъ глазъ жадно топятъ въ себѣ образъ Диноры.

Уже сердце рыцаря не билось и похолодѣли губы, а поблѣднѣвшая и съ лицомъ, каковаго не видавали придворные ни на одной аудіенціи, королева все еще пребывала въ плѣну цѣпкихъ и окостенѣвшихъ рукъ мертвеца.

— Люди, люди,—принуждена была позвать она на помощь и, когда вбѣ-

жалъ сонный слуга, Динора съ притворной брезгливостью молвила:

— Помогите мнѣ освободиться изъ рукъ этого безумца... Пользуясь темнотой, онъ пробрался сюда, и лишь хитрость спасла меня...

Съ помощью слугъ она освободилась изъ объятій, казалось даже въ смерти, пьянаго страстью рыцаря и къ общему изумленію приказала:

— Принесите носилки... тѣ самыя, въ которыхъ обычно носили стараго короля... и похоронить безумца слѣдуетъ съ почестями, подобающими рыцарскому званію...

Слуги бросились исполнять приказаніе, а Динора, оставшись одна, опустилась на колѣни предъ Альрихомъ, долго-долго глядя, точно навсегда старалась запомнить черты лица, и ужъ когда невдалекѣ раздался шагъ, она въ послѣдній разъ поцѣловала мертвый лобъ и поспѣшно встала.

* * *

Однажды во дворецъ явился нѣкій принцъ, красота котораго была столь необычна, что люди останавливались, какъ вкопанные, молча слѣдовали за нимъ по улицамъ и ужъ съ раннего утра дожидались его появленія.

При свиданіи съ королевой,—и это всѣ замѣтили,—Динора была холоднѣй и непривѣтливѣй, чѣмъ то полагалось по этикету двора.

Придворные сплетничали:

— А вы обратили вниманіе, какъ королева даже ни разу не взглянула на принца?

— И не улыбнулась...

— Ея глаза были опущены...

— Но зато ея первый взглядъ былъ острый и внимательный.

— Ахъ, господа, королева просто устала... Шутка-ли сказать—за каждый свой поцѣлуй—смерть... Торговля невеселая...

Такъ судачили придворные про королеву, но зато принцъ не спускалъ съ Диноры влюбленныхъ глазъ.

Для его свиты не было тайной безсердечья королевы и принцу шептали:

— Ваше высочество... не глядите на нее такъ... уѣхать отсюда слѣдуетъ поскорѣй... Вѣдь говорятъ, будто эта женщина за каждый свой поцѣлуй требуетъ жизнь.

Принц качалъ головой.

— Не знаю... ничего не знаю... Мало-ли что говорить... Просто сказки выдумываютъ про королеву... Быть не можетъ, чтобъ столь неслыханная жестокость могла сочетаться съ такою красотой.

— Но вѣдь на то она и женщина, ваше высочество,— стояли на своемъ приближенные принца.

А королева, между тѣмъ,— и объ этомъ знала только одна служанка,— одѣвшись простой поселянкой, нѣсколько разъ покидала дворецъ, чтобъ взглянуть на принца.

Когда принцъ былъ приглашенъ къ королевѣ второй разъ, между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

Принцъ. Королева, есть одно маленькое и старое слово, его повторяютъ и ради него живутъ всѣ люди на землѣ отъ мала до велика.

Королева. Какое же это слово?

Принцъ. Счастье... такъ оно зовется. И людямъ пріятно, когда оно улыбается, больно когда кто-либо его отниметъ, и они предпочитаютъ смерть, если жизнь прожита безъ счастья.

Королева. А вы? Вы бы тоже предпочли смерть?

Принцъ. Я готовъ жизнь отдать за одну вашу улыбку.

Королева. Въ такомъ случаѣ, когда солнце утонетъ въ морѣ, приходите ко мнѣ...

Разстались.

Сидя у окна, въ ожиданіи принца, королева думала:

«А вѣдь его слова о счастьѣ похожи на правду! Мнѣ кажется, будто я только что родилась... и мнѣ самой захотѣлось счастья... Боже, какъ медлитъ солнце... А какъ онъ говорилъ о смерти! Прекрасный и храбрый изъ людей... Ну, солнце, скорѣй!»

А когда стемнѣло—принцъ постучалъ въ дверь.

Наполнивъ чашу отравленнымъ виномъ, королева сказала принцу:

— До васъ, конечно, дошли слухи о моемъ безсердечіи? Вы знаете, что цѣна моего поцѣлуя—смерть. Отчего вы перестали улыбаться, принцъ? Вѣдь вы же сами говорили, что ради счастья не жалѣте отдать жизнь... Даже за мою улыбку вы обѣщали умереть... А теперь вмѣсто улыбки вы получите поцѣлуй... Итакъ, пейте... въ этомъ винѣ ядъ... вы будете жить нѣсколько минутъ... развѣ этого недостаточно, чтобы сказать: я былъ счастливъ... Ну? Отчего вы поблѣднѣли, принцъ? Чго вы сказали? Громче, я васъ не слышу...

— Вы шутите, ваше величество,— смущенно пробормоталъ принцъ, пятясь къ двери:—Я не вѣрилъ слухамъ о ва-

шемъ безсердечіи... и вымысломъ считала рассказы о безумцахъ... Теперь

трепетанье крыльевъ ночныхъ бабочекъ... Боюсь перевести дыханіе, замерла Динора у окна и только горящіе глаза подсказывали какую-то непреклонную рѣшимость...

Часто-часто застучали каменные плиты подъ каблуками принца и черезъ мгновеніе онъ, уже счастливый и взволнованный, стоялъ предъ королевой.

— Я пошутила, принцъ... Здѣсь вовсе не ядъ, а прекрасное вино... Пейте... я тоже буду пить... За здоровье вашихъ родителей и подданныхъ—предложила она, насмѣшливо глядя на принца и не касаясь губами своего бокала...

— Такъ это шутка? Значитъ, я буду жить и буду счастливъ?—весело воскликнулъ принцъ и взялъ бокалъ.

Королева видѣла, какъ онъ залпомъ до дна опустошилъ бокалъ, какъ поблѣднѣлъ и въ смертельномъ испугѣ схватился за сердце...

— Не хочу... не хочу...—раздался его хриплый крикъ и, сдѣлавъ на каблукахъ полный оборотъ, онъ покачнулся и упалъ на полъ.

Королева позвала слугъ и приказала:

— Уберите... а потомъ, будто про себя, тихо добавила:—кто не умѣетъ чувствовать, тотъ жить не долженъ...

«...Не задумываясь, онъ выпилъ ядъ, далеко отбросилъ кубокъ, крѣпко прижалъ къ своей груди поблѣднѣвшую Динору...»

же я вижу, что вы въ самомъ дѣлѣ такая...

— Нѣтъ, я не шучу,—голосомъ странно и жутко зазвенѣвшимъ перебила его королева:—Я привыкла любовь цѣнить выше жизни...

— Я тоже о любви думаю подобно вамъ, королева, но... я не долженъ забывать, что моя жизнь нужна подданнымъ, а смерть огорчила бы отца и матушку...

— О, въ такомъ случаѣ,—насмѣшливо перебила его королева,—вамъ слѣдуетъ немедленно же ѣхать домой...—торопитесь, ибо вы слишкомъ многого лишаете своихъ подданныхъ и родителей...

Совершенно растерянный, отъ стыда и малодушія не чувствуя подъ собой ногъ, принцъ вышелъ...

Королева долго стояла погруженная въ задумчивость, наконецъ, подняла голову, поблѣжала къ раскрытому окну и крикнула:

— Принцъ... принцъ... Я пошутила... Вернитесь...

Соловей, испуганный крикомъ, умолкъ и стало такъ тихо, что было слышно

Прямо ночь мнѣ въ окна дышитъ, Тихимъ пламенемъ шепча. Мракъ колышетъ, тѣни пишутъ Въ тихой комнатѣ свѣча.

Смотрятъ тѣни, грезятъ тѣни... И—такой же за окномъ Миръ призрачныхъ видѣній, Зажигаемыхъ огнемъ.

Все, что брезжитъ въ тѣсной рамѣ, Можно глазомъ перечестъ...

Ну, а дальше, въ черной ямѣ, Дальней ямѣ—что тамъ есть?

Тьма-ль стоитъ, луна-ли свѣтитъ?

Иль зарницы въ эту тьму Сбьютъ сполохъ? Кто

отвѣтитъ

Вопрошанью моему? Къ запредѣльнымъ откровеньямъ

Нѣтъ путей. Но захочу— И свободнымъ дуновеньемъ

Погашу мою свѣчу, Окомъ зоркимъ мракъ

пронижу. И тогда, прильнувъ къ окну, Обнаженную увижу

Темной бездны глубину. Д. Конокотинъ

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ КОШМАРЪ.

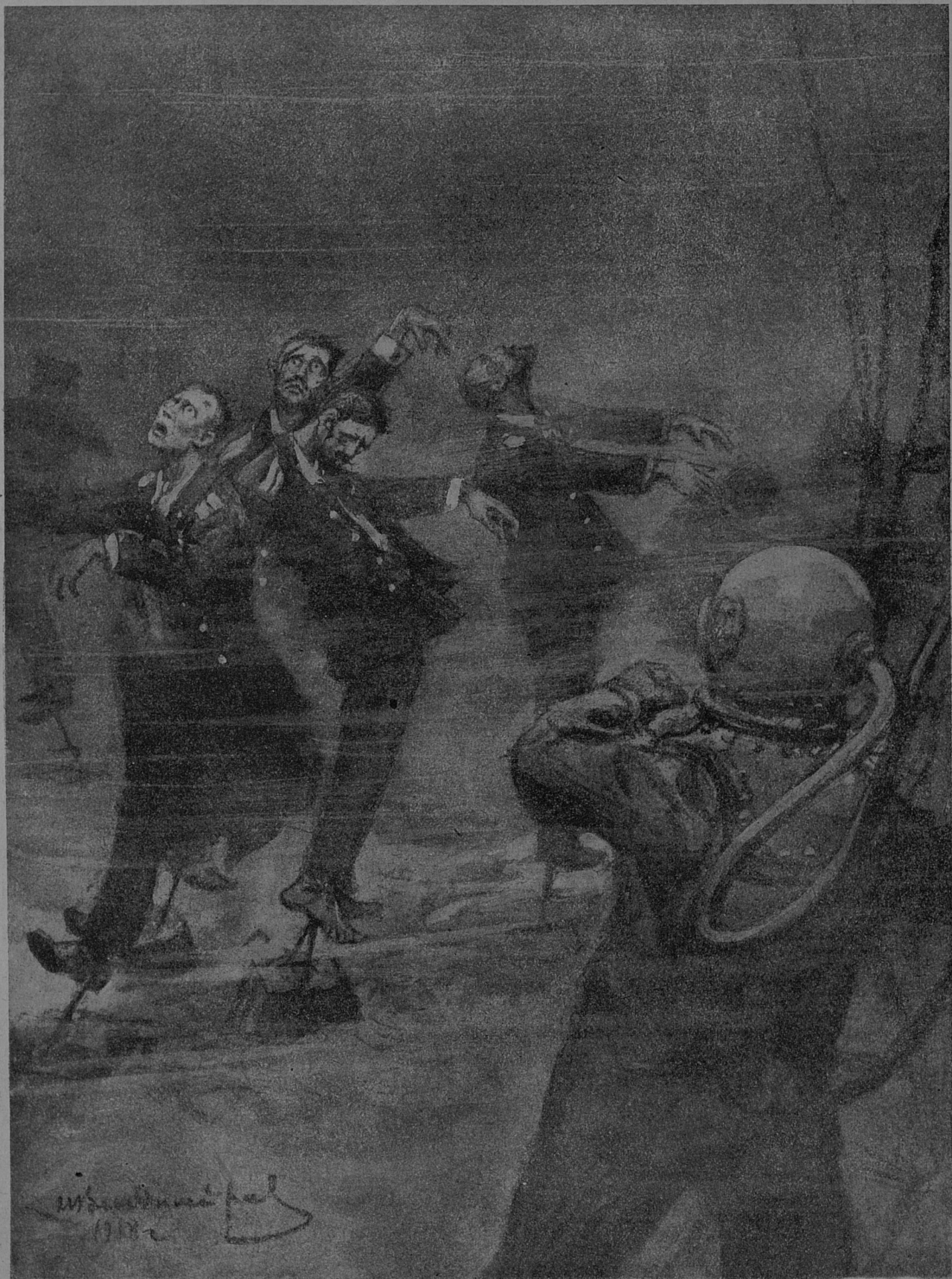
Впечатлѣнія водолаза.

Севастополь громили только два дня. Два дня къ вечеру выходили на улицы люди съ коротенькими морскими винтов-

ками и бодрымъ, дѣловитымъ шагомъ шли въ улицы.

Рѣшено было убить всѣхъ, кто хорошо одѣвается, у кого сытый видъ, кто живетъ на Нахимовскомъ проспектѣ и Екатерининской улицѣ, имѣетъ прислугу, рояль или пианино въ тихомъ залѣ за окномъ, занавѣшеннымъ

тюлемъ, имѣетъ книги, пишетъ письма и, вообще, живетъ той жизнью, которой преступно и постыдно жить съ тѣхъ дней, когда мы стали настолько свободными, что читать книги не хорошо, имѣть пианино, квартиру, какъ и картины на стѣнахъ квартиры большой и неотмолимый грѣхъ.

Рисунокъ худ. И. ВЛАДИМИРОВА.

Двѣ ночи ходили изъ хорошей квартиры въ хорошую квартиру, убивали, перерывали горла, душили, разстрѣливали, прижавъ головой къ ширмамъ въ спаленкахъ, озаренныхъ зелеными и красными огнями лампадъ.

Днемъ было тихо. Улицы наполнились юной, фланирующей публикой, грѣвшейся на почти весеннемъ солнцѣ. Дѣлились въ толпѣ радостью:

— Слава Богу, кошмаръ этой ночи кончился. Люди просто обезумѣли и то, что рѣшили на борту одного изъ кораблей, было, разумѣется, большой кошмарной ошибкой.

Но снова потемнѣло синее южное небо, и ружья были снова заряжены, и по тому же Нахимовскому проспекту, съ методичностью сборщиковъ податей, пошли люди въ коричневыхъ шинеляхъ и съ коротковатыми морского вооруженія винтовками и стали убивать, а убитыхъ выволакивать на улицы, раздѣвать и везти либо за городъ, на свалки, либо на казенномъ автомобилѣ туда къ бухтѣ, въ воду, и бросали свѣжее съ выкаченными глазами, окровавленными въ красный говяжий цвѣтъ проломленными висками, повывихнутыми руками, висѣвшими плетъми.

Два дня въ Севастополѣ работали не дико и безпорядочно, безъ системы и покойно задуманнаго плана, а изъ дома въ домъ, изъ комнаты въ комнату.

Убивали самыхъ толстыхъ: толстые—противные; очень много, видать, ѣли. Толщина, если человѣкъ въ тѣлѣ, никакъ безъ того не бываетъ, чтобы человѣкъ жирнаго не ѣлъ.

Его, самого жирнаго, надо убить, и притомъ убитъ отъ свѣтлыхъ чувствъ, а вовсе не по той причинѣ, по которой, напримѣръ, людодѣды, тоже работающіе по тому-же методу, но съ лакомыми цѣлями.

Молодая жена моряка-офицера рассказывала очень просто, и въ томъ эпическомъ тонѣ, въ какомъ въ троянскую кровавую эпоху рассказывали о человѣческихъ мукахъ дочери Иліона:

— Понимаете ли, не «такъ» съ автомобилемъ авіаціи черноморскаго флота бросали въ воду бухты, а привязывали къ ногамъ тяжелый грузъ, желѣзные короткія болванки, очевидно затѣмъ, чтобы мертвецы не всплыли. Нехорошо, когда десятки людей кружатъ по водѣ и опять тянутся къ родинному берегу. Пусть сгніютъ на самомъ днѣ, привлекая запахомъ жадныхъ рыбъ издалека...

Вдова, строго глядя предъ собой, что такъ мучительно украшаетъ ее привлекательное лицо, говорить:

— Убили моего мужа и тоже привязали къ его ногамъ тяжелый грузъ, къ самымъ подошвамъ прибрали желѣзо и, размахнувшись, кинули въ чплѣ другихъ въ воду бухты.

Я наняла водолаза, человѣка бывалаго. Я знала, что работа будетъ не столь легкой, чтобы брать человѣка непривычнаго ко многому.

— Я глядѣла въ лицо водолаза,—говорила она,—въ широкое, скуластое лицо, съ загаромъ, лежавшимъ, казалось, не только на щекахъ, но и на жесткой

золотой бородѣ, глядѣла на квадраты обрубленныхъ мощно плечъ, на руки, силетенныя не изъ сухожилій, а словно изъ стальныхъ цѣпочекъ.

Мысленно съ водолазомъ молодая женщина опускалась бокъ о бокъ на дно бухты, ходила среди легкаго кладбища несхороненныхъ мертвецовъ и жадно съ хладнокровной мучительностью разглядывала всѣхъ подводныхъ усопшихъ какъ добрыхъ знакомыхъ, выскивала среди нихъ дорогое лицо, милый, родной обликъ.

Глядя на этого человѣка, который въ полчаса сталъ ей близкимъ, она завидывала ему и молилась за него. Онъ увидитъ всѣхъ ихъ, дикій кошмарный моргъ, покрашенный зеленой водой въ замогильный цвѣтъ.

Водолазъ согласился. Онъ знаетъ такую работу, правда знаетъ не по частымъ случаямъ. Бывалый работникъ, слышавшій и о водахъ Золотога Рога, изъ котораго, послѣ заточенія деспота Абдула-Гамида, десятками вылавливали скелеты съ зелеными негниющими шелковыми шнурами вокругъ побѣленныхъ морской жидкой солью шейныхъ стройныхъ позвонковъ.

— Мы,—продолжала она,—сошлись съ нимъ на цѣнѣ. Нужно было спѣшить. Времени до вечера было мало, и Севастополь снова началъ проявлять безпокойство.

Снова гремѣли тупые, обрывистые выстрѣлы; сюда, къ чистой водѣ, того и гляди, начнутъ сволакивать красныхъ успокоившихся, приконченныхъ людей.

Водолазъ быстро приготовился, надѣлъ тяжелый скафандръ съ стекляннымъ оконцемъ противъ глазъ, съ баллономъ на плечахъ, лежащимъ на гуттаперчевыхъ складкахъ одежды, съ трубками, подающими чистый и убирающими испорченный воздухъ.

Вотъ водолазъ свѣсилъ свою веревочную лѣстницу, ступилъ толстымъ подкованнымъ свинцомъ сапогомъ на пеньковую ступеньку и медленно, плеская водой, сталъ погружаться въ море.

Черезъ минуту его не было, скрылся съ сіяющимъ шишакомъ. Покрутила вода надъ его скрывшейся маковкой и шелково разгладилась.

Мы приготовились долго ждать. Пока найдетъ водолазъ моего мужа по тому описанію, которое я ему дала.

Трудно въ морскихъ сутемкахъ разсматривать лица, усы, носъ.

Мы были, однако, удивлены быстрому знаку, который подаль водолазъ. Его торопливо подняли наверхъ.

Вмѣсто того, чтобы помочь раздѣвающимъ его людямъ, онъ грохнулся о земь, хотѣлъ было лечь, да, видимо, перевозмогъ необычайную слабость и остался въ сидачемъ положеніи, упираясь пальцами въ землю и покачиваясь безмысленно.

Когда его раздѣли, онъ долго молчалъ съ закрытыми глазами, и подъ свѣтлымъ усомъ посинѣлыя губы такъ же дрожали крупной, несдерживаемой дрожью, какъ и квадратная борода.

Всѣ молчали. Вынуждена была молчать и я, но предоставляю судить вамъ,

что и какъ я переживала въ эти краткія, безумныя минуты.

Вмѣсто того чтобы открыть глаза и заговорить, водолазъ глухо потребовалъ, чтобы его поставили на ноги и, все еще не поднимая вѣкъ, какъ бы боясь взглянуть въ живыя лица послѣ мертвыхъ, прошепталъ:

— Больше... туда... не могу. Довольно!

Водолаза кос-какъ отходили Онъ разсказалъ, вздрагивая и поглядывая на воду:

— Они всѣ—стоячіе.

— Стоячіе? Они тамъ... стоятъ?

— Да! Стоять и всѣ, какъ одинъ—прямые, ровно, знаете, собрались, выйти на пр гулку...

— Что съ ними?—спрашиваютъ всѣ. Они были вѣдь сброшены съ берега!

— Мнѣ тяжело было глядѣть, въ лица почти не смотрѣлъ. Я только нагнулся къ песку, сталъ разсматривать ихъ ноги и понялъ, почему они стоятъ такъ ровно. Къ лодыжкамъ у нихъ, у каждого, привязанъ грузъ, тѣла рветъ волна на неглубокомъ мѣстѣ, пытается снести въ сторону, утащить на глубину, да не въ силахъ тащить и только тянетъ отъ груза на ногахъ, прити въ весь ростъ, тянетъ, какъ въ военномъ ряду...

Водолазъ наклонился и зашепталъ:

— Вѣрите ли, сударыня. Совсѣмъ мнѣ трудно было среди... нихъ. Какъ живые. И даже—«разсуждаютъ».

— Что вы!—затряслась я, ошущая мрачный и темный, безысходный холодъ.

Въ глазахъ померкло, вся кровь хлынула къ ушамъ, къ мозгу, отказывающемся думать и представлять въ картинномъ видѣ то, что такъ просто рассказывалъ этотъ мокрый, дрожащій человѣкъ.

— Да, стоятъ, кланяются другъ другу, руками понемногу разводять, негисоко поднимаютъ—руки-то... Я не мало этихъ самыхъ—митинговъ за это время перевидалъ, да переслушалъ. Вотъ и они такъ. Точно дразнить насъ живыхъ что ли, дразнить, или ужъ, въ самомъ дѣлѣ, собрались въ одно мѣсто... чтобы обсудить свои дѣла. Какъ хотите, я туда больше не опущусь. Человѣку... нельзя на такое смотрѣть. При мнѣ одинъ быстро наклонился къ другому и заѣлъ его руками; будто захотѣлъ обнять, а тотъ съ испугомъ отшатнулся отъ переломанныхъ рукъ. Я опустился рядомъ и, должно быть, взбилъ тѣломъ и толстымъ платьемъ воду, и всѣ стоячіе закачались, а я какъ увидѣлъ ихъ разговоръ, кивающія головы, болтающіяся, какъ въ пылу спора, руки, едва не упалъ—и тамъ мнѣ былъ бы, сударыня, конецъ, если здѣсь не догадались бы меня вытащить...

Я больше не просила водолаза помочь мнѣ. Я понимала, что съ нимъ.

Мнѣ показалось еще то, что и другіе поняли меня и его отчаянно.

Кто знаетъ, если сюда, къ бухтѣ, собрать на это время всѣхъ темныхъ и несчастныхъ людей, упившихся кровью, они, можетъ быть, побросали бы въ воду ружья...

Я вѣрю въ человѣка, въ хорошее у человѣка и теперь.. Помогите мнѣ, Господи, въ моей вѣрѣ...

Л Пазынковъ

«Дѣти, овсяный кисель на столѣ»..

Очеркъ АЖИНОВА.

Наброски съ натуры для «Огонька» худ. М. АНДРЕЕВА.

«Продажа, овса, сѣна и мѣсятки»... Надъ зеленой вывѣской покачивается на запыленной полѣхъ клокъ прошлогдней, лимоннаго цвѣта, обливашей старновки...

Въ дверяхъ показываються, робко выступая, покупатели нѣсколько необычнаго вида. Дама въ котикахъ и высокихъ ботахъ за руку ведетъ ребенка.

Ребенокъ въ щекотливомъ предпріятіи, надо думать, играетъ роль оправдывающаго документа, что ли...

«Купецъ» жуеъ былку сѣна, кивая огненной бородой и съ меланхолической суровостью, видимо предугадывая просьбу дамы, говорить:

— А вамъ чего?

— Нельзя ли...

Дама мнется.

На тонкомъ, безкровно красивомъ лицѣ ея отражается сомнѣніе.

— Нельзя-ли бы... Немного... Овса.

— Чего-о-о!?—поддѣльно изумляется купецъ и пучить бѣлыястые сонные глаза.

Дама ниже тономъ произноситъ—замедленно и съ колебаніемъ.

— Говорю вотъ... Овсеца-бы...

— Такъ! Такъ,—саркастически возглашаетъ купецъ,—выѣздъ у васъ поди... А и то, позвольте васъ пѣспрошать, имѣете выѣздъ: въ шорахъ али такъ обнаковенно?

— И никакого,—залпомъ произноситъ дама,—у меня выѣзда нѣтъ... А вотъ... Ребенокъ.. Ребеночка говорю я... Покормить надо.

— Это вамъ овса то?—фальшиво продолжаетъ изумляющаго лавочникъ, хотя на его лоснящемся лицѣ дрежитъ сомнѣніе, жалость можетъ быть.

— Дѣле не выходить. Главная причина, что на карточки выдаемъ. Лошади всѣ перечислены, знаете-ли...

— Такъ я же развѣ много прошу?! Ну, два фунта.

— О, Господи,—говорить онъ съ убѣжденіемъ,—никакъ не смогу, право

слово. Да теперь то, что... Къ примѣру, кура—и та сидитъ на карточкѣ, на своемъ куриномъ порціонѣ.

— А у васъ—слава Богу—ребенокъ, любить питаться... Всѣ на учетѣ. Нѣтъ Не могу-съ...

Наконецъ, овесъ добытъ.

Его подсушиваютъ въ духовой. Кладутъ въ кофейную мельницу и пропускаютъ нѣсколько разъ—не меньше трехъ...

Муку просѣивають. Но не тщательно. Не сѣвось мелкое сито, а жерновку. И усики овса не бросаютъ въ мусоръ. Они тоже находятъ примѣненіе. Ихъ варятъ пополамъ съ картофельной мукой, заправляютъ медомъ или патокой, прибавляютъ для запаха лимоннаго масла и, благословясь, приступаютъ къ питательной пищѣ...

«Дѣти, овсяный кисель на столѣ»...

Овсяный кисель, оттяганный, отвоєванный у мѣшка, подвѣшаннаго къ лошадиной мордѣ...

Ажиновъ.

Ты.

Сонетъ.

Ты—моя изящная, сложная игрушечка,
Мой божокъ фарфоровый, хрупкая мечта,
Лѣтняя, веселая, золотая мушечка,
Вѣчно-неспокойная, какъ весной, вода.
Ты—моя заморская птишечка забавная,
Колибри, порхающій въ радугѣ цвѣтовъ,
И невыносимая, и такая славная,
Что носить безропотно на рукахъ готовъ.

Но боюсь смертельная—разобьетъ игрушечку
Глупая, неловкая, грубая рука...
Снова солнца золотомъ не украситъ мушечку,
Снова изъ осколочковъ не создать божка!

Ел. Кнютферъ.

Для бѣлыхъ розъ, служанкой принесенныхъ,
Покинувъ сонмъ ликующихъ подругъ,
Ты, замечтавшись, поплѣднѣла вдругъ,
Вся въ полумглѣ и въ отсвѣтахъ зеленыхъ.
Забывъ подругъ и легкій вѣтеръ въ кленахъ,
И плескъ фонтановъ, и весну вокругъ,
Ты наяву—въ огнѣ виднѣй сонныхъ,—
Такъ сладокъ трепетъ бѣлыхъ ризъ и рукъ.
Поютъ глаза. Любовь бѣжитъ по жиламъ.
Ты словно слышишь голосъ райскихъ трубъ,
И къ розамъ клонишься, въ мечтахъ о миломъ.
То грустно нѣженъ, то желанно грубъ—
Онъ вновь съ тобой въ порывѣ огнекрыломъ,
И пьетъ, ликуя, влагу алыхъ губъ.

Годинъ.

Голодные преись-куранты.

ВЪ ПЕТРОГРАДСКОЙ КОММУНѢ 1918 г.

телятина	— 8 р. ф.	сыръ	— 15 р. ф.
свинина	— 9 р. ф.	молоко	— 3 р. бут.
мясо	— 7 р. ф.	шоколадъ	— 35 р. ф.
конина	— 3 р. ф.	какао	— 30 р. ф.
куры	— 7 р. ф.	чай	— 25 р. ф.
гуси	— 8 р. ф.	медъ	— 15 р. ф.
ветчина	— 15 р. ф.	консервы	— 5-10 р. мор.
колбаса	— 13 р. ф.	капуста	— 2 р. ф.
рыба — отъ	3 р. до 15 р. ф.	морковь	— 3 р. ф.
масло	— 15 р. ф.	фрукта	— 3 р. ф.
сахаръ	— 15 р. ф.	картофель	— 3 р. ф.
яйцо	— 1 р. 20 к. шт.	дрова	— 100 р. сан.

Руководясь истинными цѣнами, извѣстными всѣмъ петроградскимъ хозяйкамъ, составилъ худ. В. Петровъ. Однако, онъ не ручается, что, ко дню появленія рисунка въ печати, цѣны не удвоятся.

Разговоры о ѣдѣ, всевозможныя хитрости, чтобы достать продовольствие, стояніе въ очередяхъ, или, какъ говорятъ для краткости, «въ хвостахъ» отнимаютъ у петроградца большую часть дня. Остальное время уходитъ на добычаніе денегъ, которыхъ требуется немало при бѣшенныхъ цѣнахъ, существующихъ на все съѣдобное. Съ демобилизаціей солдатъ петроградскаго гарнизона уничтожился весьма важный обывательскій ресурсъ, и теперь голодающій петроградецъ съ радостью платитъ 5—6 рублей за фунтъ простого черного хлѣба, если найдется добрый человѣкъ, который предложитъ это «лакомство».

Официальныя цѣны, публикуемыя продовольственной управой чуть не каждый день во всѣхъ газетахъ, далеко не соответствуютъ цѣнамъ рыночнымъ. И, сказать по правдѣ, изголодавшіеся граждане Коммуны уже не задумываются надъ стоимостью, лишь было бы что кушать. Большая часть бюджета уходитъ на ѣду.

Соображенія хозяйственной экономіи идутъ объ руку съ утонченными изощреніями кулинарнаго искусства.

Въ дѣло пошли отбросы, которые еще недавно выкидывались въ помойное ведро. Въ исполнѣ зажиточныхъ домахъ съ удовольствіемъ угощаются печеніемъ изъ кофейной гуши или изъ картофельной кожицы, даже не одобренной сахаромъ, такъ какъ этотъ продуктъ выдается въ самомъ ограниченномъ количествѣ и то нерѣдко спустя мѣсяцъ послѣ срока карточки.

Граждане сначала волновались, когда было объявлено, что вмѣсто недостаю-

щего хлѣба будутъ выдавать картофель. О, въ какомъ восторгѣ были бы теперь граждане Коммуны, если бы рынокъ было хоть картофеля вдвое! Сушеные коренья, въ особенности, если въ нихъ есть картофель, такъ называемый «супъ», берутся чуть не съ боя и тоже по карточкамъ. Вмѣсто молока было сначала стуженное фабричное молоко, и цѣна жестяной банки въ 1 фунтъ достигала 26 рублей, вмѣсто прежнихъ 80 к. Но и этого молока больше нѣтъ. Его получаютъ только дѣти до 3 лѣтъ. Сушенныя яйца замѣнили было свѣжія, но и этотъ фабрикатъ стоимостью въ 35 р. фунтъ сдѣлался рѣдкостью.

Недоѣданіе стало общимъ явленіемъ. Его первый результатъ — малокровіе и болѣзни, являющіяся послѣдствіемъ плохого питанія.

Любопытно сравнить съ составленнымъ нашимъ сотрудникомъ преись-курантомъ помѣщаемый ниже списокъ. Онъ сдѣланъ для «Огонька» съ рѣдкаго историческаго документа: прописческаго, но вполне правдиваго по фактическимъ даннымъ преись-куранта цѣны на продукты первой необходимости, из-

свои тѣлеса по 3½ фр. за полъ-кило. Съ лѣвой стороны изображенъ голубъ, несущій на ошейникѣ свою цѣну (14 фр.), ниже арабскій конь весьма сомнительной породы, стоившій тѣмъ же не менѣе 4½ фр. полъ-кило и, наконецъ, крыса — самая отвратительная крыса — 2¼ фр. Преись-курантъ дополняетъ цѣны: слоновое мясо (вотъ до чего дошли!) — 20 фр. фун., медвѣжатина — 15 фр. фун., свѣжее масло — 10 фр. фунтъ, гарное масло — 60 фр. фунтъ, коробка сардинъ — 14 фр., мясные консервы — 15 фр. коробка. Консервы изъ лошадинаго мяса — 6 фр. фунтъ, ворона («голодный французъ и воронъ родъ») — 5 фр., кочанъ цвѣтной или свѣжей капусты — 12 франковъ, рѣпа — 1½ фр., одна морковка — 2¼ фр. и, наконецъ, свѣжее яйцо — 2¾ фр.

Справа мы видимъ указаніе, что каменный уголь цѣнился по 3 франка фун., шоколадъ — 4 фр. фун., швейцар. сыръ — 30 фр. фунтъ, оливковое масло — 20 фр. литръ, сушеные бобы — 7 фр. фунтъ, ветчина — 45 фр. фунтъ, свиное сало — 22 фр. фун., гусь — 175 фр., курица — 70 фр., картофель (четверикъ) — 50 фр. и т. д.

даннаго въ парижской коммуны въ 1871 г.

На рисункѣ изображены наверху, подъ надписью «Сдача Парижа въ 1871 г.» два императора воюющихъ державъ — Наполеонъ III и Вильгельмъ I, ошибочно названный Вильгельмомъ II.

Посерединѣ изображены образчики того хлѣба, которыми питались осажденные парижане — по бокамъ размѣщены лакомыя блюда того времени съ указаніемъ ихъ цѣнъ.

Посрединѣ нарисована кошка, чье мясо цѣнилось 15 франковъ фунтъ, въ правомъ верхнемъ углу пѣтухъ, стоившій 55 франковъ, подъ нимъ оселъ (12 фр. фунтъ), ниже кроликъ, доходившій до 60 фр., а бѣгущая внизу благородная гончая должна была отдавать на сѣдненіе

Давидъ въ гиперборейскомъ лѣсу.

Сказка Вас. Немировича-Данченко.

Простой и глупый русскій чортъ былъ въ болотѣ.. Пускалъ пузыри. Пузыри лопались надъ омутомъ и изъ нихъ выскакивали зеленые блуждающіе огоньки.

Точно обросшій корою, ржавой и потрескавшейся, неуклюжій лѣшій медленно тащилъ свои вѣтвистыя несуразныя лапы къ черному дуплу и навстрѣчу ему сучками, прутьями тянулись и царапались сухія кикиморы.

Оборотни хрюкали свиньями, лаяли хрипыми псами, а старая, брюхатая, съ отвислыми грулями вѣдьма носилась въ крикливой вороньей стаѣ надъ сырымъ лѣсомъ, гогоча во все горло.

Испачкавшаяся въ рѣчной грязи, блѣлая и приземистая русалка сбрасывала съ зеленыхъ пахнувшихъ рыбой волосъ мелкихъ раковъ и дразнила (вотъ вотъ лопнетъ!) пучившуюся на нее лупоглазую жабу. Вдругъ русалка остановилась и вперила судачій глазъ на опушку. Что то мелькало тамъ — гибкое, быстрое, стройное...

Бѣдный изгнанныкъ солнечной Эллады бѣжалъ, самъ не зная куда.

Богъ знаетъ сколько времени онъ стремился впередъ въ Гиперборейскіе лѣса отъ мести жестокой Діаны. Онъ самъ не зналъ: за что? Поддался обаянію запаха желтыхъ мимозъ, волшебству зноя и свѣта, нѣжнымъ улыбкамъ аттическихъ фіалокъ, призывному пѣнію кристальныхъ источниковъ и со-слѣду налетѣлъ на любимую дріаду богини. Ему чудился позади свистъ убійственныхъ стрѣлъ,

казалось, что вслѣдъ несутся, горячелыша горячими пастями, острозубые псы. Онъ уронилъ по пути флейту великаго Пана, обломалъ маленькіе изящные рожки о твердое наткнувшееся на него по пути тѣло вѣкового дуба и едва-едва придти въ себя теперь, забравшись на дикій, безвѣстный, околѣнѣлый сѣверъ.

Фавнъ былъ безграмотенъ и не читалъ Геродота, иначе онъ зналъ бы, какой ужасъ обитаетъ въ этомъ зякомъ, повитомъ нечистымъ испареніями краю.

Вдругъ онъ остановился и протянулъ впередъ руки, точно защищаясь.

Прямо навстрѣчу ему ползла, переваливаясь и хрипя отъ насморка и бронхита русалка. Она на его глазахъ выползла изъ воюющей зацвѣтшей воды.

— Кто ты?.. Неужели здѣшняя наядя?

Онъ вспомнилъ своихъ волоокихъ, пѣвучихъ и стройныхъ подругъ въ прозрачныхъ пучинахъ Кефисси, ихъ ночныя пляски на лунныхъ полянахъ...

— Какъ ты... некрасивая... грязная... Отчего у тебя такія короткія и кривыя ноги?

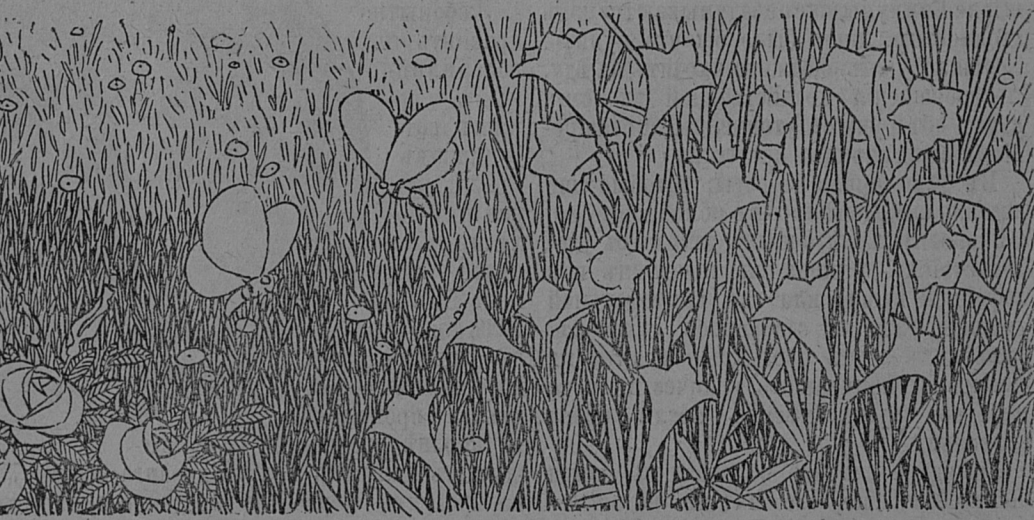
— Дураки! Я въ нашемъ омутѣ краше всѣхъ. Но мнѣ всѣ хромые черти съ ума сходятъ.

Фавнъ проголодался...

— Гдѣ бы тутъ поѣсть?

— Вотъ, сколько хочешь дождевыхъ червей... мухоморовъ... Жри... мы живемъ богато!

Посмотрѣлъ... поморщился.

Рисунки худ. С. Лодыгина.

— Нѣтъ ли винограду?.. Или хоть лѣсныхъ орѣховъ?

— Чего?.. Мы про такое не слышали? Соснѣ выхъ шишекъ уродилось до пропасти... А тамъ дальше на опушѣ лежишь лопнувшая кобыла. Пухла, пухла и треснула. Наше воронье вотъ какъ радовалось. Хвалило: «вкусно»! На всю эту трущобу каркало... Я бы тебя рыбой угостила. Вонъ она вся брюхомъ вверхъ плыветъ. Болѣетъ и козѣтъ, родимая. Хочешь,—мнѣ не жалъ. А то лучше ступай къ кобылѣ пока волки не набѣжали.

Фавнъ вдругъ почувствовалъ усталость и сѣлъ.

Вокругъ заплясали вшивые бѣсенята, до крови расчесывая лохматые концы. Выглянуль изъ дупла и загоготалъ надъ нимъ старый лѣшій, хрюкали и тыкались въ него мокрыми слюнявыми рылами оборотни, ползли сучками и задоринками насмѣшливые кикиморы. Вверху остановилась надъ нимъ въ своемъ полетѣ кувыркаявшая вѣдьма и отъ удивленія сдѣлала то, что даже и у гипербореевъ считалось неприличіемъ. Слаба была на это старуха!

А Фавнъ.

Онъ зажмурился... застылъ...

Хоть минуту покоя.

Куда забѣжалъ!

Какъ выбраться отсюда? Гдѣ его лазурное море и золотыя отмели Фалеръ? Гдѣ лавровыя рощи съ ароматными кистями розовыхъ цвѣтовъ? Гдѣ Элев-

зинскія розы и лизіи счастливаго Коринфа, пѣніе пастуховъ на Ликабетѣ и веселая пляска безпечныхъ сатировъ? Гдѣ румяныя, золотоволосыя вакханки, на жаркихъ плечахъ которыхъ такъ прекрасны тигровыя шкуры? Еще недавно онъ, шая и играя, срывалъ съ нихъ виноградныя вѣйки. Нагоняя въ таинственномъ сумракѣ священныхъ рощъ, любовался ихъ гибкими и стройными торсами. И это небо безоблачное, чистое съ бѣлыми голубыми-любимицами Киприды? Дивныя мраморы бѣлоколонныхъ храмовъ, сверкавшіе ему издали сквозь кипарисы и кедры?...

Бѣдный Фавнъ заплакалъ...

И вся эта гиперборейская дебрь захотала надъ нимъ. Визгливо смѣялись русалки въ омутѣ, швыряя въ него раками. Падали на тощія животинки и дрыгали отъ восторга кривыми собитыми копытцами бѣсенята. Гудѣлъ, какъ громадный шмель, лѣшій и даже простой и глухой чортъ, ковыряя въ носу, издѣвался надъ нимъ въ ржавомъ болотѣ.

Одна вѣдьма не смѣялась.

Медленно спланировала на своемъ помелѣ... Подошла—критически оглядѣла Фавна.

— Ничего... Молодой... Сойдетъ.

И предложила ему свою любовь.

Съ ужасомъ отшатнулся отъ нея Фавнъ, кинулся въ самую трущобу и, наткнувшись тамъ на драное лыко... повѣсился.

РУССКІЙ ЗЛАКЪ.

Разсказъ А. ДАМАНСКОЙ.

Бланшъ, горничная нашего пансіона, не по обычному громко и торопливо стучится въ мою комнату. Она полуотворяетъ дверь и просовываетъ розовую, подъ кисейнымъ чепчикомъ, милую мордочку. На этотъ разъ она—одно недоуміе.

— Васъ спрашиваетъ...

Голосъ ея звучитъ испуганно.

Она дѣлаетъ паузу и смотритъ на меня не то внимательно, не то подозрительно.

— ...какая-то русская барышня, — договариваетъ она подчеркнуто, и по звуку ея голоса, по движенію умнаго рта я догадываюсь: посѣтельница необычная.

Выхожу въ длинный корридоръ. Здѣсь все сверкаетъ и благоухаетъ. Блеститъ великолѣпно начищенный полъ, дорожка изъ свѣтло-синяго линолеума, мѣдныя ручки дверей. Пахуче и свѣжо дышатъ цвѣты въ большихъ стеклянныхъ вазахъ. Мягкій сизый свѣтъ льется изъ матовыхъ стеколъ верхней части дверей, и изъ гостинной, замыкающей другой далекий конецъ корридора. Тамъ, очевидно, открыты двери на балконъ. Листья низкорослой пальмы въ красной маіоликовой вазѣ тихо вздрагиваютъ и шуршатъ. Чисто, нарядно въ пансіонѣ «Дорія» и безмолвно. Пансионеры, большей частью учащая молодежь, съ утра разбрелись на лекціи и въ клиники. Другіе ушли къ голубому озеру.

Послѣ моей ярко озаренной солнцемъ комнаты, я не сразу замѣчаю маленькую темную фигурку у входныхъ дверей.

Бланшъ движеніемъ головы направляетъ мой взглядъ, и на этотъ разъ я уже явственно читаю на ея хорошенькомъ личикѣ:

— Ну, и знакомства у васъ!

Въ свою очередь кивкомъ головы даю ей понять, что она можетъ удалиться, и подхожу къ дверямъ.

Маленькая худенькая фигурка дѣлаетъ два шага навстрѣчу мнѣ, останавливается и, не подавая руки, сообщаетъ:

— Я—русская... Фамиліи не называю... Все равно не знаете...

Она говорить, будто отрывая фразы отъ длинной ленты словъ, и бросаетъ ихъ нетерпѣливо и устало. Но голосъ у нея звучный, грудной, съ круглымъ сочнымъ волжскимъ говоркомъ.

Она дурна собой. Она больше, чѣмъ дурна. Она безобразна. Сѣроватое, рябое

въ кулачокъ лицо, приплюснутый носикъ съ краснымъ пятномъ на кончикѣ, безкровно дергающіяся губы, и только два черныхъ, горячихъ глаза глупатъ во мнѣ чувство накипающаго раздраженія на эту неожиданную помѣху моей работѣ. Что-то такое дрожитъ на самомъ днѣ этихъ двухъ жгучихъ зрачковъ и требуетъ вниманія. Ея пыльные истоптанные башмаки оставляютъ на блестящемъ полу грязные слѣды. На ней не платье, а черное, пропитанное пылью тряпье, оторванная оборка юбки убого обвисла. На жидкихъ желтыхъ волосахъ жалкое подобіе шляпки съ торчащимъ въ сторону отъ поникшаго банта каркасомъ.

Мнѣ понятно теперь недоуміе Бланшъ...

Зажмурившись отъ солнца въ моей комнатѣ, незнакомая посѣтельница

Въ Петроградской Коммунѣ.

Вышелъ новый декретъ...

опускается въ предложенное кресло и на нѣсколько мгновеній застываетъ. По тому, какъ ея острые узкія плечи тянутся къ мягкой подушкѣ, я вижу, какъ она устала, какъ она страшно устала...

— Вы, вѣроятно, съ дороги... Не выпьете-ли чашку чаю?—рѣшаюсь я предложить ей.

Но не успѣваю докончить фразы. Она уже выпрямилась, вскинула вызывающе голову, быстро и несочувственно обвела глазами мою опрятную нарядную комнату и остановила на мнѣ своихъ два горячихъ уголька.

И опять отрывистыя, нетерпѣливо сбрасываемыя съ губъ слова:

— Ничего не надо... Съ дороги... Да... Только что съ поѣзда. Мнѣ сказали, въ этомъ пансіонѣ русскіе... Вы... вы...—и, помедливъ немного, нерѣшительно:

— Вы давно въ Лозани?

— Давно...

— Остроумова видѣли?

Я никакого Остроумова не знала.

Она вздрогнула, оглянулась, прикусила губу, словно испугавшись выданной тайны, и тише:

— А Нежданова?

И опять отрицательно повела головой. Тогда ея напряженный горячій взглядъ погасъ, она вся поникла, какъ слабенькое вящееся растеніе, потерявшее podporку, и вонзила глаза въ полъ. Меня она больше не замѣчала. Я перестала для нея существовать. Побывъ съ собою нѣсколько долгихъ минутъ, что-то обдумавъ и что-то рѣшивъ, она рѣзкимъ движеніемъ вскинула голову и, не глядя на меня, бросила. Не попросила, не спросила, а бросила:

— Дайте мнѣ иголку и черную нитку...

Я дала ей иголку и черную нитку.

Она взяла, не поблагодаривъ, приподняла подолъ юбки, и стала пришивать оборку. Она неловко, не по-женски держала иглу въ грязныхъ пальцахъ, отъ перетка она отказалась, неумѣло тыкала ею въ ткань, дѣлала крупные некрасивые стежки, и брови ея дрожали, морщины на лбу играли—она упорно думала о чемъ-то и мѣле всего о томъ, что дѣлала въ эту минуту....

Кончивъ, она положила иглу на столъ, выпрямилась и спросила, презрительно морща свои безкровныя губы:

— Ну, а русская бібліотека гдѣ, вы знаете?

Я не знала ни Остроумова, ни Нежданова. Я чувствовала, какъ это обезцѣнило меня въ ея глазахъ. Ну, а гдѣ русская бібліотека—знаю ли я хоть это? Русская бібліотека въ Лозани помѣщалась тогда на Rue du Favre.

Я назвала ей адресъ.

— Какъ туда добраться?

Я подвела ее къ окну и объяснила какъ идти.

— Спросите. Когда выйдете на площадь St.-François.... Вы говорите по-французски?

Она насмѣшливо, сердито усмѣхнулась, будто говоря: этого еще не доставало....

— Если хотите, я васъ провожу....

Она отклонила мое предложеніе, не подавая мнѣ руки, кивнула головой и почти выбѣжала изъ комнаты. Изъ окна я видѣла, какъ она пугливо оглянулась разъ, другой.... Ее тревожило, видимо, не слѣжу-ли я за нею....

Мои сѣдби и виваи за табльд'отомъ, сѣроглазая съ пѣвучимъ голосомъ норвежка-медичка, немолодая уже, изысканная англичанка—художница, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, тонкими руками красивый,

какъ богъ, студентъ-египтянинъ, работавшій въ Лозаннѣ въ клиникѣ Ру, и молодая русская актриса, жизнерадостная красивая дѣвушка, задавали мнѣ удивленные вопросы за обѣдомъ... Здоровали ли я? Не получила ли я дурныхъ вѣстей изъ Россіи? Вѣроятно, я была въ этотъ день не такая, какъ всегда... И они казались мнѣ иными. И раздражало меня въ нихъ то, что всегда привлекало и что сблизило меня съ ними... Ихъ красота и изящество и простота хорошихъ воспитанныхъ (культурныхъ) здоровыхъ и счастливыхъ людей... Съ безотчетной неприязнью слушала я оживленный остроумный перекрестный разговоръ, хорошій незлобивый смѣхъ и невольно отводила глаза отъ обращающихся ко мнѣ ласковыхъ и свѣтлыхъ молодыхъ лицъ... Мнѣ казалось, что—

* * *

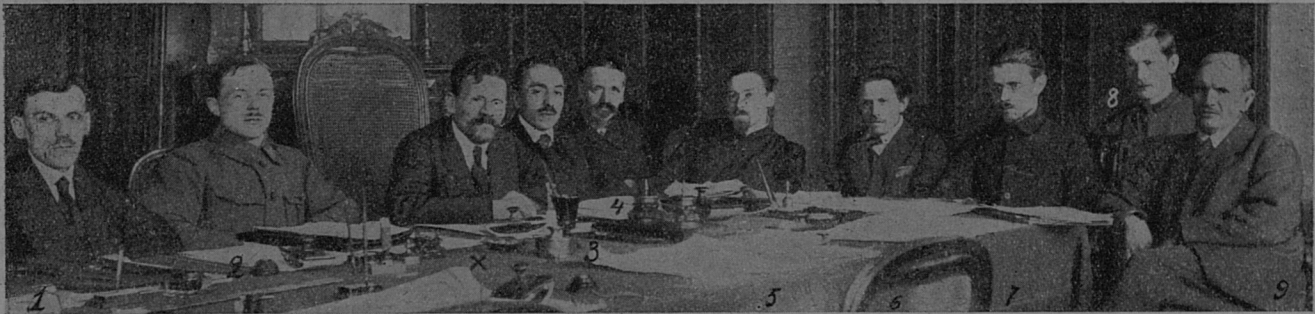
Въ благоуханный золотой день городъ праздновалъ Promotions—окончаніе учебного года.

Съ ранняго утра по всему городу музыка, флаги, гирлянды зелени и цвѣтовъ и живописныя процессіи юныхъ школьниковъ и школьницъ. Живые свѣтлые ручки изъ бѣлыхъ, голубыхъ и розовыхъ смѣющихся, сияющихъ, восторженно глядѣвшихъ на міръ цвѣтовъ... Взрослые подтягивали тоненькимъ дѣтскимъ голосамъ, воспѣвавшимъ красоту своей родины и радость труда, и счастье большихъ упований, смѣлыхъ надеждъ и безудержныхъ стремленій... Съ умиленными лицами, съ влажными взволнованными глазами смотрѣли заправдившіе тротуары иностранцы-туристы, коренастые крѣпкіе американцы, вы-

швейцарскихъ дѣтей. Поздно вечеромъ когда живые свѣтлые цвѣтники схлынули съ улицъ и площадей, за вучали сильные, густые молодые голоса, запылали смоляные факелы, и стремительно-быстро, безпорядочно, буйно понесся по отлогимъ улицамъ, по холмамъ и крутымъ спускамъ фантастическій факельцугъ. Студенты провожали любимого профессора. Студенты вѣхъ курсовъ, швейцарцы въ альпійскихъ шляпахъ съ пучками эдельвейса, нѣмцы корпоранты въ бѣлыхъ рейтузахъ, въ голубыхъ и малиновыхъ кеши, французы, итальянцы, въ національных костюмахъ, въ костюмахъ старинныхъ рыцарей, крестоносцевъ, болонскихъ баккалавровъ XIV и XVI столѣтій, быстро шли подъ ускоряемый темпъ удалыхъ зазывныхъ пѣсень, углубляя синюю мглу ночи

Засѣданіе большевистской городской управы г. Петрограда.

По фотографіи для „Огонька“ М. Антокольскаго.

Посрединѣ (X) городской голова тов. Калининъ. Члены управы, слѣва направо: тов. Хахарева, Старкова, Таргулова, Жарикова, Пилевскаго, Котлякова, Эйсмонта. Далѣе: секретарь гор. думы тов. Кусакинъ и секретарь управы тов. Люткевичъ.

Какъ извѣстно, большевики уничтожили прежнюю городскую думу, гдѣ большинство принадлежало представителямъ партіи с.-р., во главѣ съ гор. головой г. Г. Шрейдеромъ. Нынѣшнее городское самоуправленіе возглавляется тов. Калининымъ, столяромъ по профессіи. Въ качествѣ городского головы, онъ входитъ въ составъ совѣта комиссаровъ Петроградской Трудовой Коммуны. Но хаосъ русской жизни и непріятіе власти, какъ психологическая особенность переживаемыхъ Россіей дней, сказались и на большевистскомъ городскомъ самоуправленіи. Принципъ большевиковъ „вся власть рабочимъ“—принятъ буквально. Городскіе служащіе и рабочіе организовались въ „союзъ муниципальных рабочихъ и служащихъ“. Центральный комитетъ этого союза „вѣдаетъ организаціей хозяйства въ предприятияхъ города“, а всѣ его распоряженія обязательны для городского самоуправления. Съ другой стороны распоряженія городской управы не могутъ исполняться безъ согласія центрального комитета рабочихъ, служащихъ въ городскихъ предприятияхъ. И мы не знаемъ, сохранитъ ли нынѣшняя выборная управа хоть тѣнь власти въ городскихъ дѣлахъ къ тому дню, когда выйдетъ номеръ нашего журнала

какая-то искусно скрываемая вина на этихъ баловняхъ судьбы, такъ умѣло, такъ красиво пользовавшихся жизнью, и я и сама чувствовала себя въ чемъ-то и передъ кѣмъ-то виноватой...

Не дождавшись десерта и сославшись на головную боль, раньше всѣхъ встала изъ-за стола...

До позднихъ сумерекъ бродила я по холмистому городу. Нѣсколько разъ прошла мимо русской библіотеки, мимо ресторанчика на Grand Pont, гдѣ обѣдало много русскихъ студентовъ, по всѣмъ аллеямъ бульвара Mont Benon спустилась въ Уши... моей утренней посѣтительницы я не встрѣтила нигдѣ. Не встрѣтила я ея и въ ближайшіе дни. Прошла недѣля, другая, и убогую, несчастную фигурку, безкровный голодный ротъ и два горячихъ черныхъ глаза заслонили другія впечатлѣнія... Я стала забывать о моей жалкой соотечественницѣ, зачѣмъ-то выброшенной съ родины на ненужную ей чужбину, и желаніе узнать, кто она и нашла-ли она пріютъ, не томило меня больше...

сокіе, изысканные, сдержанные англичане и смуглые, почти черные сухощавые подвижные южане—греки, испанцы и египтяне—на живописныя поющія яркія процессіи дѣтей, предшествуемая духовыми и струнными оркестрами... Музыканты играли старательно и съ увлеченіемъ, и праздничныя торжественныя лица ихъ говорили о томъ, что этотъ праздникъ дѣтей ихъ собственный праздникъ, на которомъ они молодѣютъ и обновляются душой...

А вечеромъ, когда синее небо распылилось серебряными звѣздами, и на синемъ бархатѣ горъ и лѣсовъ раскинулись золотые узоры, городъ опоясался нѣсколькими рядами площадей и цвѣтныхъ фонарей, высоко въ воздухъ взлетали голубыя и красныя змѣи ракетъ и, откинувъ далеко раскаленные головы, рассыпались міриадами многоцвѣтныхъ огоньковъ... По озеру снова шли иллюминированные пароходики, казавшіеся фантастическими дорогими игрушками, и съ савойскаго берега, изъ французскихъ курортовъ Эвіана и Тонона взметались привѣтныя ракеты въ честь праздника

своими багровыми высокоразвиваемыми факелами, всѣхъ зажигая, всѣхъ увлекая, шли шумно и весело, подъ несмолкаемые аплодисменты и восхищенное «браво», «браво» несчетныхъ зрителей.

Было ярко, молодо, красиво и кровь немолчно шумѣла въ вискахъ, заглушая стукъ къ чему-то равнагося и безмѣрно-много желавшаго сердца...

— Куда?—удивленно спросилъ мой спутникъ, удерживая меня за руку, когда я вдругъ рванулась впередъ.

Я не отдавала себѣ отчета зачѣмъ въ первое мгновеніе, но уже въ слѣдующій мигъ я увидела ее ясно, всю съ головы до ногъ, въ свѣтѣ кроваво-краснаго факела... Сухенькую, убогую, безобразную, съ опущенной въ землю головой... Она шевелила губами, что-то шептала, должно быть говорила сама съ собой, и не смотрѣла ни въ чудесное расцвѣщенное алмазами небо, ни на фантастическія группы студентовъ, ни на факелы, ни на толпы народа... Обтрепанный подолъ юбки волочился за нею по землѣ, руки висѣли, какъ придрѣбанные къ изуродованному тѣлу деревяшки... Это была

она. Она не видѣла праздника. Она не слышала музыки. Она шла вовлеченная въ потокъ, какъ случайная тряпка на буйно-разбѣжавшейся весенней волнѣ... Это была она, моя посѣлительница, о которой я забыла, казалось мнѣ... Это была она, ненужная, жалкая, странная русская дѣвушка, вновь тяжелой болью вошедшая въ мою душу и омрачившая мнѣ праздникъ.

— Оставьте... Только нарветесь на непріятность—шепталъ мнѣ на ухо мой спутникъ, русскій студентъ.—Я ее знаю... То есть, не знакомъ... Но знаю кое-что о ней... Успокойтесь только... Расскажу вамъ...

И рассказалъ.

Такъ просто... Такъ по-русски просто, и такъ нелѣпно, дико въ рамкахъ культурной европейской жизни...

Она—поповна, жила въ глухомъ селѣ гдѣ-то въ Костромской или Симбирской губерніи... Въ Москвѣ, куда поѣхала держать экзаменъ на сельскую учительницу, прилѣпилась къ партійной работѣ. И это рѣшило ея дальнѣйшую судьбу. Она въ деревню не вернулась и ребятъ обучать грамотѣ не стала. Товарищи возложили на нее ответственную роль, о какой ей и не снилось подъ сѣнью скромнаго поповскаго дома. Она хранила у себя взрывчатые вещества, сама научилась начинять бомбы и вошла во вкусъ этой работы. Про нее рассказывали анекдоты. Она восхищалась запахомъ динамита, ушнвалась имъ, какъ духами. Бомбы она называла ласкательными именами и любовно прижимала ихъ къ сердцу, какъ молодая мать первенца. Ея не посвящали въ назначеніе бомбъ, ея ни во что не посвящали, но она умѣла начинять бомбы и хранить ихъ и дѣлала это упорно и безмолвно... Она сдѣлала уже въ нѣсколькихъ тюрьмахъ, была въ ссылки и въ тюрьмѣ безъ бомбъ и безъ динамита подъ подушкой хныкала, плакала и много молилась, но, очутившись на волю, опять присасывалась къ партіи и молча, покорно, безропотно дѣлала то, что ей велѣли, ѣздила, куда ее посылали... Сейчасъ она въ Лозаннѣ, потому что ее выслали изъ Парижа... Въ мансардѣ, гдѣ она жила, былъ взрывъ... Она заходитъ иногда въ русскую читальню, но ни съ кѣмъ не разговариваетъ... Когда слышитъ говорить о какомъ-нибудь извѣстномъ партійномъ дѣятелѣ, называютъ его настоящимъ именемъ или осуждаютъ громко дѣйствія русскихъ властей, она вспыхиваетъ, блѣднѣетъ и озирается

испуганно... Надъ ней подтруниваютъ. Надъ ея привычкой къ тайнѣ, къ конспираціи, къ подполью... Ей не по себѣ въ свободной странѣ, гдѣ можно громко говорить, громко смѣяться и осуждать...

Мой спутникъ увѣрялъ меня, полусерьезно, полупути, что она хирѣетъ здѣсь, на свободѣ.

— Это изъ тѣхъ знаковъ—добавилъ онъ,—знаете, изъ тѣхъ, что не выносятъ солнца... Настоящій русскій знакъ...

Яркій фантастическій потокъ исчезъ съ факелами, съ музыкой и пѣснями за крутымъ поворотомъ отлогой улицы и унесъ съ собою жалкую, неряшливую фигурку, убогонькое созданье, бѣдный, гонимый вѣтромъ,—русскій знакъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ...

Въ Петроградской Коммунѣ.

По фотографіи для „Огонька“

Чай на открытомъ воздухѣ на Фонтанкѣ.

Завихрилась русская жизнь. Нежданныя ошеломительныя событія стремительно налетали одно за другимъ...

Въ памятные іюльскіе дни пришлось быть мнѣ на одномъ изъ медицинскихъ пунктовъ въ Петроградѣ, когда привезли нѣсколько раненыхъ: извозчика, господина въ чиновничьей фуражкѣ, гимназиста и двухъ женщинъ. Одна была дѣлкая, красивая въ бѣлой косынкѣ и въ передникѣ, другая... Она не дышала, когда ее внесли, отъ праваго виска ползла къ вороту темная струйка крови. Желтые волосы приклеились къ блѣдно-желтому круглому лицу. По какой близкой смерти разгадали на немъ старческія морщины и озиралъ грустнымъ и красивымъ его свѣтомъ... Это была она, странная дѣвушка, кого-то искавшая у меня однажды въ Лозаннѣ.

Я узнала ее по одному открытому глазу, не горячему, не напряженному, какъ тогда, а тихому и печальному...

Она не удивилась, не спрашивала ни о чемъ, когда пришла въ сознание, не

стонала, когда извлекали осколокъ бомбы изъ ея раны. Но, что-то поймавъ въ глазахъ врача, считавшаго удары ея пульса, она сдѣлала попытку поднять голову и тотчасъ прикусила нижнюю губу, чтобы не закричать отъ боли... Потомъ быстро, полупонотомъ, также отрывисто, такъ же сбрасывая съ синихъ губъ слова, какъ тогда: «Да... да... я знаю... конецъ... Надо бы написать отцу... священнику... Малый Плесъ... у Кинешмы, въ Костромской... это моя... Вотъ... вотъ работала честно... Помогитея пусть...»

Она нетерпѣливо повела головой.

— Ахъ, не то я совсѣмъ... не то... Это они меня моей жебомбой.. я узнала... когда разорвалась... У насъ, эсъ-эровъ, реквизи...

Тутъ она въ первый разъ простонала тихо, тонко, будто котенокъ обиженный жалобно промяукалъ. И руки ея сухія и желтыя вытянулись вдоль узкаго тѣла.

Она прошептала еще:

— Малый Плесъ... писать надо... пусть простятъ... поможется пусть... и закрыла глаза. Черезъ нѣсколько мгновеній брови ея недоумѣнно изогнулись, и губы застыли въ задумчивой, печальной усмѣшкѣ.

Такъ кончилъ свое бытіе на землѣ маленький, бѣдный безсолнечный русскій знакъ.

А. Даманская.

* *

Вѣтеръ воетъ, вѣтеръ плачетъ,
вѣтеръ стонетъ подъ окномъ
И назойливо стучится мокрой
вѣткой за стекломъ,
И нашептываетъ что-то
недосказанное мнѣ,
И затѣмъ, какъ-будто гнѣвно,
ударяетъ по стѣнѣ.
День прошелъ, а ночь глухая,—
ночь слѣпая впереди.
Непонятная тревога просыпается
въ груди.
Вспоминается бывшее, пережитое
давно.
Вѣтеръ стонетъ и стучится въ
потускнѣвшее окно,
Какъ запуганныя тѣни шевелятся
по угламъ.
Нѣтъ привольнаго простора
зародившимся мечтамъ.
Гаснутъ мысли. Тухнутъ свѣчи.
Давить, давить смутный гнетъ.
Вѣтеръ воетъ, вѣтеръ плачетъ,
вѣтеръ жалобно поетъ.
В. Умановъ Каплунъскій.

Въ Петроградской Коммунѣ.—Невскій проспектъ и его новые торговцы.

По фотографіямъ Скобел. Комитета для „Огонька“.

Уличный торговецъ рыбой.

МЕЧЪ.

Рассказъ В. ШОЛОНКИ.

Два мѣсяца я старался понять взглядъ на жизнь моего новаго друга, японца Хигази, и, наконецъ, пришелъ къ убѣжденію, что онъ—детерминистъ.

— Пожалуй, вѣрно, я—детерминистъ,—согласился онъ.—Я вѣрю, что никто изъ насъ не вполне свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ доказательство приведу вамъ слѣдующій случай:

— Вамъ, можетъ быть, приходилось слышать городъ въ Японіи Кіуссинъ, который извѣстенъ тѣмъ, что населеніе въ немъ почти исключительно состоитъ изъ акробатовъ и жонглеровъ. Искусство изъ переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, и поэтому никто не можетъ поспорить ловкостью съ уроженцемъ Кіуссина.

Такассиво и его жена были родомъ изъ Кіуссина. Они славились своимъ искусствомъ и въ особенности слѣдующимъ номеромъ: Минамото, жена Такассиво, въ обыкновенномъ цирковомъ трико становилась спиной къ простой доскѣ и скрещивала на груди руки. Приблизительно въ десяти шагахъ отъ нея становился Такассиво съ большой корзиной, въ которой находилось сорокъ семь остро отточенныхъ тяжелыхъ ножей. Такассиво-же бралъ ножи и съ силою бросалъ ихъ въ доску. Кинжалъ со свистомъ разсѣкалъ воздухъ и втыкался въ доску въ разстояніи пяти—шести миллиметровъ отъ тѣла женщины. Ножи летѣли съ ужасающей быстротою другъ за другомъ, вонзались въ дерево, слѣдуя контурамъ фигуры Минамото, образуя вокругъ нея стальной ореолъ. Въ заключеніе же Такассиво бралъ длинный японскій мечъ и съ рѣзкимъ, гортаннымъ крикомъ бросалъ его съ ужасающей силой въ доску, причемъ мечъ вонзался какъ разъ у лѣвой груди Минамото. Ошибся японецъ хотя бы на

одинъ миллиметръ и мечъ пронзилъ бы сердце женщины.

Этотъ номеръ пользовался всюду колоссальнымъ успѣхомъ. Антрепренеры переманивали Такассиво другъ отъ друга, но онъ самъ предпочиталъ больше всего Санъ Франциско, гдѣ и выступалъ чаще всего.

Зарабатывалъ онъ съ женою не мало, и поэтому мало-по-малу отошелъ отъ умѣренныхъ привычекъ японцевъ и предался мотовству. Почти каждый вечеръ послѣ представленія онъ отправлялся въ какой-нибудь притонъ, гдѣ сидѣлъ окруженный женщинами и слушалъ пѣвицъ, и, хотя не напивался самъ, зато угощалъ другихъ.

Домой онъ возвращался съ разсвѣтомъ, и однажды замѣтилъ, какъ его жена выпускала изъ своей комнаты какого-то здоровеннаго блондина съ бычьей шеей. Такассиво не задушилъ жену. Онъ только окинулъ ее такимъ взглядомъ, отъ котораго ничего хорошаго ожидать было нельзя.

Вечеромъ въ извѣстный часъ онъ былъ въ циркѣ. Туда же явилась и жена. Наступилъ моментъ выхода. Минамото выбѣжала на арену съ очаровательной улыбкой, и публика по обыкновенію встрѣтила ее дружными аплодисментами.

Молодая женщина заняла свое мѣсто у доски. Такассиво съ корзиною и ножами помѣстился въ отдаленіи. Никто изъ присутствующихъ не могъ даже догадаться о драмѣ, разыгрывающейся между супругами, и только самый внимательный глазъ сумѣлъ бы замѣтить, что Минамото была нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго.

Японка до самой смерти останется вѣрна своимъ обязанностямъ, и Минамото въ тотъ вечеръ исполнила все, что ей полагалось. Такассиво тоже не волновался, такъ какъ японецъ одинаково равнодушно умираетъ и убиваетъ.

Первый ножъ былъ брошенъ имъ обычнымъ, почти машинальнымъ, движеніемъ.

Была спокойна и Минамото, зная хорошо, что мужъ не убьетъ ее первымъ ножомъ, что ей нужно бояться только послѣднихъ.

Такимъ образомъ благополучно миновалъ двадцатый, тридцатый, сороковой ножъ... Каждый изъ нихъ съ волшебной точностью вонзался въ предназначенное ему мѣсто. Наконецъ, въ корзину осталось только два ножа,—самый большой и самый маленькій. Въ этотъ моментъ Такассиво сталъ вкушать прелесть мести.

Онъ могъ пустить свой мечъ съ такою силою въ глазъ женѣ, что черепъ оказался бы пригвожденнымъ къ доскѣ. Но можно было бросить маленькій ножъ и угодить имъ въ сердце. Какому удару отдать предпочтеніе? Или просто смертельно ранить однимъ ударомъ и убить другимъ?..

Эта мысль пришла японцу по вкусу. Онъ схватилъ разомъ оба ножа, и Минамото теперь уже не сомнѣвалась, что пришли ея послѣднія мгновенія жизни.

Съ дикимъ, яростнымъ крикомъ Такассиво метнулъ оба ножа, и стѣны цирка разомъ потряслись отъ бурныхъ рукоплесканій. Такого фокуса Такассиво еще никогда не продѣлывалъ. Оба ножа легли отъ тѣла его жены на разстояніи миллиметра.

Маленькій ножъ вошелъ въ доску какъ разъ у самаго глаза Минамото, причемъ не повела японка даже бровью, мечъ же врѣзался около самой груди. Черезъ секунду Минамото освободилась отъ окружающихъ ее страшныхъ ножей и съ очаровательной улыбкой раскланивалась передъ публикой, которая бѣшено аплодировала ея неустрашимости и изумительной ловкости жонглера.

— Знаете что?—сказалъ я послѣ довольно продолжительной паузы,—мнѣ эта исторія кажется совершенно невѣроятной.

— Да, я тоже не повѣрилъ бы ей, если бы ея героемъ не былъ мой отецъ и моя мать,—съ хитрой улыбкой отвѣтилъ мнѣ Хигази.

— Ахъ, вотъ какъ!—смутился я.

Торговецъ шоколадомъ въ кафѣ.

Гусаръ Андреевъ,
ошибочно принятый за А. Ф. Керенского и
просидѣвшій три мѣсяца въ Петропавловской
крѣпости.

Нѣкоторое время мы молчали. Затѣмъ я заговорилъ:

— Я, конечно, очень уважаю культъ предковъ, столь укоренившійся въ Японіи, но все же позвольте мнѣ задать вамъ одинъ вопросъ...

— Вы, какъ европеецъ,—возразилъ мнѣ мой другъ,—относитесь ко всему слишкомъ трагически. У васъ, въ Азіи, смотреть на эти вещи проще. Стоитъ-ли волноваться такъ много?... Знаете, какой результатъ былъ отъ всего этого? Мои родители использовали этотъ случай съ матеріальными цѣлями. Начиная съ этого дня, мой отецъ сталъ бросать послѣдніе два ножа одновременно и, конечно, потребовалъ за это повышевія гонорара. Ну, скажите, развѣ онъ не былъ правъ, по своему?

— Тогда я повѣрилъ, что есть нѣчто сильнѣе японскаго жонглера, что какая-то невѣдомая сила, какая-то таинственная воля помѣшала ножамъ исполнить намѣреніе человека. Хотя... Тутъ является еще другое предположеніе... Быть можетъ, Такаиссиво сдѣлалъ это съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ. Можетъ быть, онъ рѣшилъ продлить мученія своей жены, заставивъ ее каждое утро просыпаться съ мучительною мыслью, «не сегодня ли?».

Все возможно.

В. Шолонки.

МЕСТЬ.

Разсказъ и иллюстрація

С. ЖИВОТОВСКАГО.

У нея былъ сынъ.

Ея жизнь, ея счастье и гордость и ея страданіе. Страданіе потому, что съ первыхъ дней его жизни она стала испытывать мучительный страхъ за его жизнь, за его здоровье и счастье.

Ночью она склонялась надъ дѣтской кроваткой и со страхомъ и трепетомъ прислушивалась къ его дыханію:

— Не захворалъ-ли... Правильно-ли дышитъ...

Его воспитанію она отдала всю жизнь, всю душу и любовь.

И въ юности она уже нашла своего друга, сына съ нѣжной и глубокой душой, честнаго, хорошаго человѣка.

И сталъ онъ для матери ея богомъ.

Онъ готовился въ академію и мечталъ быть художникомъ.

Но разразилась отечественная война и вмѣсто академіи юноша поступилъ въ юнкерское училище.

Черезъ четыре мѣсяца онъ уже сталъ офицеромъ, а черезъ годъ палъ въ бою смертью храбрыхъ.

И погасло солнце, и настала ночь для сына и для матери.

Съ тою только разницею, что сынъ уснулъ вѣчнымъ сномъ, а мать замочилась въ страшной кошмарной безсонницѣ.

Она не могла понять свершившагося, она не постигала этого горя, настолько оно было грандіозно, невѣроятно, какъ казалось ей.

И только послѣ года, проведеннаго въ истерикахъ и бреду, выйдя изъ лѣчебницы для нервнобольныхъ, она поняла весь ужасъ случившагося.

И въ ея доброй, мягкой душѣ неожиданно родилась страшная злоба и жажда мщенія за сына.

Она избѣгала выходить на улицу, боясь случайно услышать гдѣ нибудь нѣмецкую рѣчь.

И вдругъ, въ городѣ стали говорить, что въ Петроградѣ привезены здоровые нѣмцы и подъ видомъ военнопленныхъ и больныхъ размѣщены въ женскомъ институтѣ.

— Отомщу,—сказала оскорбленная мать.—За убійство моего сына пусть погибнетъ отъ руки его матери такой же молодой нѣмецкій офицеръ. Пусть его мать такъ же не увидитъ больше живымъ и счастливымъ своего сына, какъ не увижу и не услышу я дорогой мнѣ голосъ.

У нея былъ офицерскій «Наганъ», привезенный съ фронта денщикомъ вмѣстѣ съ другими вещами сына.

— Отомстить, отомстить!—шептали ея уста.—Отомстить за позорный миръ, за погибшую Россію, за честныхъ ея сыновъ-юношей-героевъ.

Она купила цвѣтовъ, чтобы замаскировать ими громоздкій револьверъ и направила въ институтъ, изъ котораго выгнали русскихъ дѣтей и на ихъ кроватяхъ размѣстили нѣмцевъ.

Часовому она сказала, что идетъ смѣнить одну изъ сестеръ милосердія и безпрепятственно вошла въ длинный корридоръ и очутилась среди своихъ заклятыхъ враговъ.

Длинными рядами стояли кровати и на нихъ лежали и сидѣли австрійскіе офицеры.

Она ждала встрѣтить грубыхъ, красныхъ, звѣрскія фizioноміи торжествующихъ побѣдителей, но увидѣла цѣлый рядъ печальныхъ, изнуренныхъ тоскою лицъ.

Какъ разъ передъ нею лежалъ молодой офицеръ съ смугло-матовымъ лицомъ и едва пробивающимися черными усиками. На головѣ его лежала сложенная въ нѣсколько разъ простыня и бросала тѣнь на глубокіе закрытые глаза.

Отъ озноба онъ слегка вздрагивалъ.

— Совсѣмъ такой же,—подумала она и, не отдавая себѣ отчета, подошла къ нему вплотную.

Юноша открылъ глаза и, увидѣвъ даму съ букетикомъ цвѣтовъ въ рукахъ, улыбнулся ей ласковой, печальной улыбкой.

И тяжелыя вѣки опустились вновь.

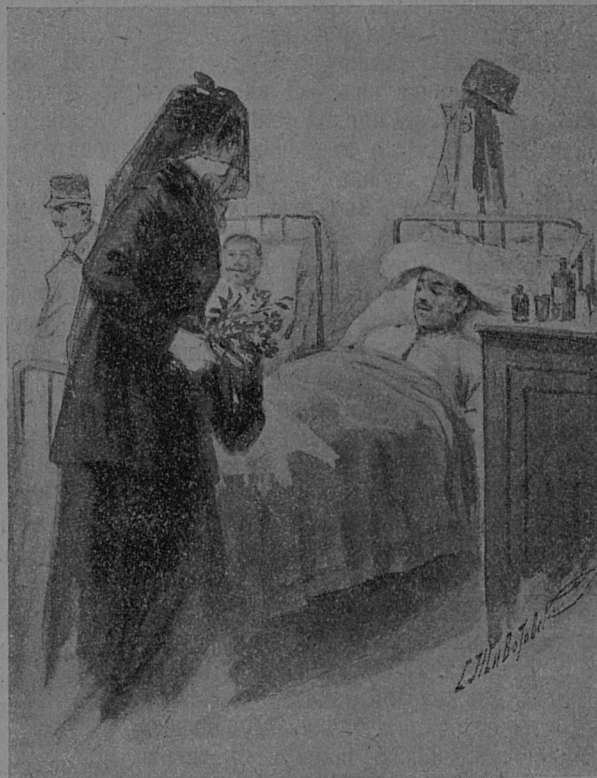
— Бѣдный, онъ тяжело боленъ... Гдѣ-то теперь его мать?! Страдаетъ, вѣроятно, такъ же, какъ и я...—промелькнуло въ ея головѣ.

А въ больномъ воображеніи ея почудился голосъ родного сына:

— Мама, не тронь его, онъ такая же невинная жертва войны, какъ и я. Онъ мой товарищъ по несчастью...

И сердце матери наполнилось невыразимой жалостью къ этому несчастному юношѣ изъ вражескаго стана.

Она незамѣтно вынула револьверъ

изъ пучка цвѣтовъ и сунула его въ муфту, а цвѣты положила на столикъ у больного.

Потомъ перекрестила его и, сдерживая слезы, быстро вышла изъ лазарета.

Австрійцы, сосѣди больного, съ любопытствомъ смотрѣли на странную посылительницу и недоумѣвали:

— Кто она?..

Это была мать русскаго офицера.

С. ЖИВОТОВСКІЙ.

ЕЯ ПОБѢДА.

Разсказъ МЭЙ ЭДИНГТОНЪ.

(Съ англійскаго).

— Да, Лу,—сказала Эдна,—мнѣ необходимо ѣхать. Я рѣшила это безповоротнo, когда онъ написалъ, что не можетъ пріѣхать въ отпускъ. Я сказала себѣ: «Что онъ тамъ дѣлаетъ? Вы никогда не можете быть спокойны съ этими мужчинами...»

— Ну, что-жъ,—отвѣтила Лу,—счастливаго пути. Я присмотрю за дѣтишками. Хватитъ ли тебѣ твоего саквояжа? Можетъ быть, ты возьмешь мою картонку для шляпы? Потомъ, я могу дать тебѣ взаймы двѣнадцать шиллинговъ.

Эдна со вздохомъ, но рѣшительно отказалась отъ того и другого. На цыпочкахъ передъ зеркаломъ—Эдна была маленькая женщина—она старательно завязывала вуаль и озабоченно оглядывала всю свою фигуру.

— Моя юбка достаточно коротка? Не виситъ сзади? Даже матери троихъ дѣтей слѣдуетъ быть элегантной.

— Ты очень шикарна! Жаль только, что у тебя заячій, а не лисій мѣхъ.. Но тебѣ пора!

Эдна торопливо поцѣловала дѣтей и побѣжала съ саквояжемъ въ рукахъ садиться на омнибусъ. Она чувствовала себя усталой и нервной. Ей даже немножко хотѣлось плакать. Но женщины большихъ городовъ некогда распускаться и блѣдность щекъ Эдны была покрыта густымъ слоемъ румянъ. Въ глухомъ углу, гдѣ стоитъ полкъ ея мужа, она, вѣроятно, произведетъ фуроръ. Интересно взглянуть на это мѣстечко, гдѣ ея мужу, очевидно, такъ хорошо живется!

Сидя въ вагонѣ третьяго класса, она съ удовольствіемъ съѣла бутербродъ, который ей сунула въ карманъ Лу, и съ тревогой думала о томъ, что женѣ капитана, быть можетъ, слѣдуетъ путешествовать въ первомъ классѣ...

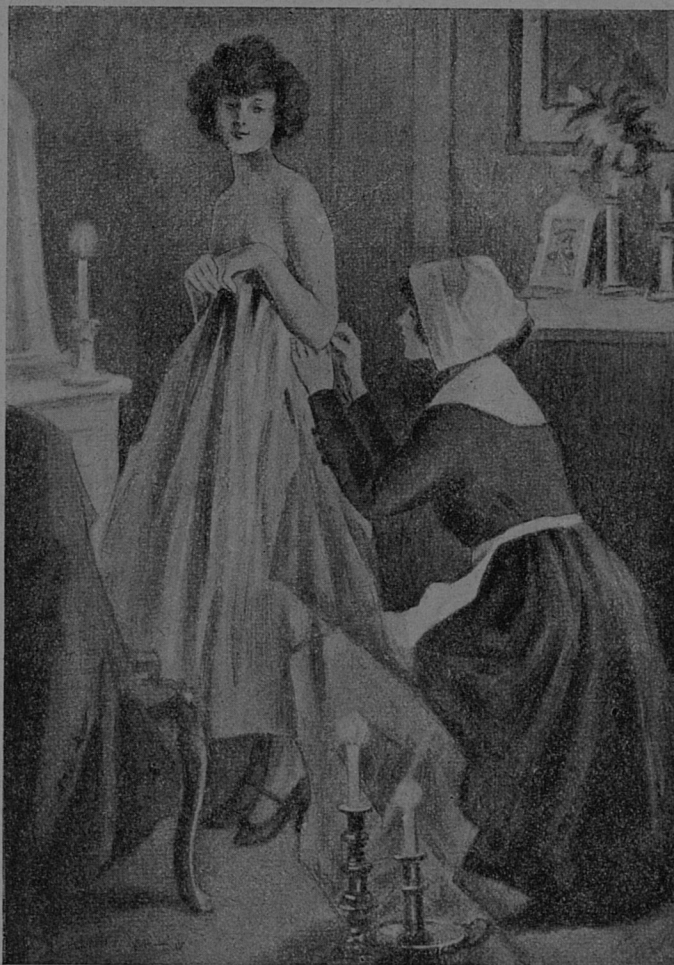
Ки, гдѣ стоялъ полкъ, оказался грязнымъ, заброшеннымъ среди лѣсовъ, мѣстечкомъ. Тѣду была послана телеграмма и Эдна думала, что онъ встрѣтитъ ее на вокзалѣ, но тутъ ее ждало разочарованіе. Вокзалъ былъ пустъ и угрюмый начальникъ станціи весьма равнодушно отнесся къ ея заявленію, что она жена капитана Парретъ. Онъ далъ ей адреса домовъ, гдѣ можно было найти комнату, и Эдна отправилась съ саквояжемъ въ рукахъ по грязной дорогѣ. Ей было грустно и все кругомъ такъ непривѣтливо встрѣчало ее. Вдругъ сердце ея забилося живѣе. Все же здѣсь, вѣрно, можно будетъ немного развлечься—навстрѣчу ей ѣхало два всадника, офицеръ и дама. Имъ, вѣрно, очень ве-

село... Вдругъ Эдна остановилась и крикнула рѣзкимъ голосомъ:

— Тѣдъ!

По всадники проѣхали мимо, забросавъ ее грязью. Эдна посмотрѣла имъ вслѣдъ и ужасная злоба охватила ея маленькое сердце. Лицо ея побагровѣло до корней волосъ... Въ домѣ, гдѣ Эдна сняла комнату, на хозяйку не произвело никакого впечатлѣнія, что она жена капитана Парретъ. Любезно улыбаясь, эта особа попросила ее заплатить за помѣщеніе впередъ.

Эдна гордо подняла голову, но кошелекъ ея сталъ послѣ расплаты съ хозяйкой такимъ легкимъ! За Тѣдомъ она послала мальчика-разсылнаго и подбадриваемая ревностью и чувствомъ одиночества стала готовиться къ встрѣчѣ мужа.

«...Горничная ползала вокругъ Эдны на коленяхъ, нашивая легкія тюлевья оборки...»

Прежде всего она надѣла свою лучшую блузу и, когда горничная накрыла на столъ для двоихъ, она положила на приборы японскія бумажныя салфетки. Пусть это напомнитъ Тѣду домъ!

Потомъ она приняла изящную позу у камина и какъ разъ во время, такъ какъ въ дверь постучали и вошелъ Тѣдъ.

Тѣдъ былъ такой оживленный и Эдна замѣтила въ немъ что-то новое.

— Здравствуй, Тѣдъ! Какой тебѣ сюрпризъ, правда?

— Здравствуй, Эдна,—онъ поцѣловалъ ее и торопливо заговорилъ:—Дѣти здоровы?

— Да, сестра осталась съ ними. А я сегодня уже видѣла тебя, когда ты

ѣхалъ верхомъ. Надѣюсь, у тебя была пріятная спутница?

— Это была миссъ Хѣнтъ.

— Мнѣ это ничего не говоритъ.

— Она дочь сэра Хѣнта, у котораго въ этихъ мѣстахъ имѣніе... я иногда бываю у нихъ...

Эдна вдругъ почувствовала, что между нею и ея мужемъ открылась пропасть. Но она такъ легко не сдастся!

— Я заказала хозяйкѣ обѣдъ на двоихъ, надѣюсь, мы обѣдаемъ вмѣстѣ?—спросила она съ апломбомъ.

— Извини, но, вѣдь, я не ждалъ тебя и занять... А что это за ужасныя японскія штуки? Вкусъ твоей хозяйки?

Онъ небрежно отшвырнулъ салфеточку, на которую Эдна возлагала такія надежды. Вся блѣдная, Эдна возразила:

— Я привезла ихъ изъ дому... Пожалуй, теперь ужъ и я тебѣ не по вкусу...

Парретъ пожалъ плечами, бормоча какія то слова на прощаніе, поцѣловалъ жену и торопливо вышелъ.

Эдна не слышала этихъ словъ. Она смяла въ комокъ японскія салфеточки и бросила ихъ въ огонь. А когда горничная принесла двѣ жирныхъ котлеты, она сказала ей:

— Я не буду обѣдать,—потомъ, вспомнивъ, что нужно быть экономной, добавила:—спрячьте эти котлеты на завтра.

Она вся дрожала съ ногъ до головы...

* * *

Она стояла передъ зеркаломъ въ спальнѣ, освѣщенная полудюжиной свѣчей.

«Хорошо, что я пошу всегда тонкое бѣлье»,—подумала она, обнажая плечи и засовывая дешевое кружево рубашки за корсетъ.

Эдна готовилась къ бою. Сегодня въ военномъ собраніи балъ и она должна быть на этомъ балу во что бы то ни стало.

Горничная, тяжело дыша, ползала вокругъ Эдны на коленяхъ. Прямо на корсетъ Эдны нашивала она легкія тюлевья оборки. Шить платъе было

некогда. Поэтому Эдна просто разрѣзала на полосы только что купленный ею голубой тюль. Узкія полосочки этого-же тюля легли на плечи, а лучшая блузка Эдны, разрѣзанная на куски, образовала какъ бы широкій пояс-лифъ. Вотъ и все. На ногахъ ея были домашнія бархатныя туфли, но такъ какъ нога у Эдны была маленькая, то онѣ казались вполне приличными.

Въ общемъ туалетъ оказался совсѣмъ не такъ плохъ и Эдна осталась довольна собой. Смущали ее немножко морщинки у глазъ, но въ этомъ были виноваты безсонныя ночи. Последний ребенокъ былъ такой беспокойный! Конечно, лучше было бы, если бы она была поплнѣе, но гдѣ ужъ тутъ мечтать о пол-

нотъ, когда вся жизнь проходитъ въ заботахъ и хлопотахъ!

Эдна обильно нарумянила щеки. Она не желаетъ быть хуже этой миссъ Хэнтъ...

Можно себѣ представить удивленіе Тэда, который воображаетъ, что она будетъ кротко сидѣть дома!

Эдна была первой дамой, пріѣхавшей въ собраніе. Легкій страхъ, при видѣ скромной обстановки помѣщенія, очень быстро смѣнился въ душѣ Эдны чувствомъ превосходства. Еще дѣвушкой она часто бывала на общественныхъ балахъ въ Лондонѣ, которые, конечно, были ни чейой такимъ провинціальнымъ вечеринкамъ!

Высокій офицеръ, очевидно, распорядитель, подбѣжалъ къ Эднѣ.

— Вы ищете кого нибудь?—спросилъ онъ любезно.

— Я миссъ Парретъ,—отвѣтила Эдна.

— Очень пріятно. Позвольте представиться—майоръ Фильдингъ.

Эдна чувствовала себя ужъ совсѣмъ хорошо. Какой милый! И какъ хорошо натерты пальцы.

— Мнѣ хочется сдѣлать туръ вальса,—сказала она кокетливо, въ то время, какъ заигралъ оркестръ,—вамъ придется представить мнѣ кавалеровъ, если мой мужъ опоздаетъ.

— Такъ позвольте мнѣ пригласить васъ,—онъ очаровательно улыбнулся.

«О, она покажетъ этимъ провинціаламъ, какъ надо танцевать!»

Во время танца, Эдна весело болтала и кокетничала, спрашивая своего кавалера, похожа ли она на мать троихъ дѣтей.

Потомъ ей представили молодыхъ людей, снисходя къ которымъ, Эдна начала чувствовать себя чѣмъ-то вродѣ царицы бала.

А Фильдингъ подошелъ къ миссъ Хэнтъ, высокой, красивой брюнеткѣ и, смотря ей прямо въ глаза, сказалъ:

— Здравствуйте, Хилъда.

Дѣвушка, чувствуя смущеніе подъ этимъ взглядомъ, торопливо заговорила:

— Съ кѣмъ это вы сейчасъ танцовали, Берти?

— Это жена Паррета. Вы знали, что онъ женатъ?

Хилъда вздрогнула и лицо ея покрылось смертельной блѣдностью.

— И можете себѣ представить,—продолжалъ Фильдингъ,—у него трое ребятъ. Семья живетъ гдѣ-то на окраинѣ Лондона, средства, вѣдь, у нихъ ограниченные...

Хилъда молчала и не сводила глазъ съ нарумяненной маленькой женщины, такъ громко и неестественно смѣявшейся.

— Не правда ли,—продолжалъ Фильдингъ,—какъ я она болѣзненная на видъ и какіе у нея усталые глаза? Вѣроятно, ей тяжело приходится съ такой семьей?...

— Послушайте, Берти,—заговорила немного хриплымъ голосомъ Хилъда—постарайтесь, чтобы у мисъ Парретъ не осталось ни одного свободного танца до прихода ея мужа...

— Пусть повеселится,—сказалъ съ улыбкой Фильдингъ,—значитъ, мы въ разговорѣ?

— Да, мы покажемъ ему, какъ мы цѣнимъ ея присутствіе на нашемъ балу.

И когда пріѣхалъ Парретъ, онъ съ неприятнымъ изумленіемъ увидѣлъ свою

«Воображаю, какъ эта миссъ Хэнтъ сходить съума отъ зависти!»

Ночь она спала великолѣпно и проснулась въ отличномъ настроеніи.

Миссъ Хэнтъ не спала совсѣмъ, но холодная ванна придавала ей утромъ бодрости.

Послѣ завтрака она велѣла подать себѣ экипажъ и поѣхала къ лэди Уэнтъ, старушкѣмъ Виръ и Грэмъ. Маленькое общество мѣстечка очень любило Хилъду и поэтому никто не могъ отказать дѣвункѣ въ ея просьбѣ, и въ тотъ же день удивленная Эдна принимала у себя всѣхъ представительницъ мѣстной аристократіи.

Побывала у Эдны и Хилъда и, возвращаясь домой въ морозныхъ сумеркахъ, рѣшила, что надо отправиться на охоту. Ей хотѣлось движенія и какихъ-нибудь волненій. Вѣдь она любила этого человѣка. Она думала связать съ нимъ свою судьбу. Какъ же она была глупа!.. И ей до слезъ было жалъ маленькую жену Тэда, мать трехъ дѣтей, съ такой ненавистью въ испуганныхъ глазахъ и кривыми, не знавшими никогда маникюра, пальчиками.

А Парретъ былъ смущенъ неожиданнымъ успѣхомъ своей жены. И бывшая влюбленность къ ней опять вспыхнула въ его сердцѣ. Оставшись съ Эдной вечеромъ вдвоемъ, онъ нѣжно цѣловалъ ее, а она говорила голосомъ избалованной, свѣтской женщины:

— У тебя здѣсь очень милое общество. Немножко скучное, конечно, для насъ, столичныхъ жителей...

И думала: «Эта тварь воображала, что отобьетъ у меня мужа! Что за презрѣнные существа эти женщины... Стоить женѣ отвернуться...»

* * *

Вернувшись въ Лондонъ, Эдна рассказывала своей сестрѣ Лу много удивительныхъ вещей.

— Ты не повѣришь, Лу, какимъ успѣхомъ я тамъ пользовалась. На балу я была

нарасхватъ. А на слѣдующій день всѣ перебивали у меня. Вотъ, я сохранила визитныя карточки. Мы ихъ положимъ въ вазу въ гостиной... Тѣмъ просто съума сошелъ. И, знаешь, тамъ была одна барышня, аристократка, которая ловила Тэда. Но я сейчасъ же положила этому конецъ. Послѣ этой неудачи, она рѣшила утѣшиться однимъ майоромъ и еще при мнѣ стала его невестой. Я хотѣла было рассказать жениху все про эту дѣвицу, но передумала. Я, вѣдь, не злой человѣкъ. Богъ съ ней. Правда, Лу?

Перев. А. Д'Анволь.

«...Она покажетъ этимъ провинціаламъ, какъ надо танцевать...»

жену въ видѣ голубой бабочки, вальсировавшую безъ усталости и смѣявшуюся очень громко.

При первой возможности, онъ подошелъ къ Хилъдѣ, извиняясь за опозданіе, но она перебила его, глядя ему прямо въ глаза:

— Какъ прелестно танцуетъ ваша жена. И знаете, не прошло и десяти минутъ, какъ всѣ ея танцы были разобраны.

— О?—удивился Парретъ.

Этотъ балъ былъ торжествомъ для Эдны.

Въ два часа ночи се проводили домой нѣсколько офицеровъ и, уже засыпая, она подумала съ удовольствіемъ:

Петроградскій навѣкъ къ стоянію въ
песчаныхъ очередяхъ дѣйствуетъ на

Двигаются бѣлые номера, намятые
на пальто—къ столу, а потомъ по узкой
лѣсенкѣ наверхъ.

Тамъ, на фонѣ полу-
круглаго окна, за ко-
торымъ сияетъ нѣж-
ный, прекрасный, ве-
селый день, сидятъ,
вырѣзаясь темны-
ми тѣнями на стек-
лахъ, фигуры за сто-
ломъ, окончательно
регистрающимъ.

Плотникъ на ско-
рую руку сбиваетъ
огородку—къ ней
и подходить безра-
ботные.

Выдача удостовѣреній на
выѣздъ.

нихъ ма-
гиче-
ски.

Они все
волнуются,

ѣдко ругаются,

отпускаютъ циничныя слова, бранятся
«въ тысячу».

Кто-то юркнулъ въ переднюю часть
хвоста и его уличаютъ.

— Ты что же это, а? Ты бархотникъ,
а мы, знаешь, лапотники? Чертъ косо-
рылый!

— Чего ругаешься?

— А какъ на тебя не ругаться? У
тебя что на пальто написано? «Двѣсти
двадцать первый», а ты со сто девят-
надцатымъ пріятную бесѣду завелъ! Такъ
и норовишь прошмыгнуть мышомъ въ
двери-отъ!...

Внутри сумятица, растерянность.

— Товарищи. Сегодня идетъ записъ
на завтрашнюю посадку. Поняли?

— Такъ точно!—весело рветъ кто то
сильнымъ, напуганнымъ въ мастерской
голосомъ.

— Завтра поѣздъ черезъ Москву. По-
няли?

— Такъ точно!...

— А тебѣ куда?

— Мнѣ бы на Котласъ, товарищъ.

— Эхъ ты, тюря. А еще: «такъ точно».
На Котласъ—съ другимъ поѣздомъ.

— Дяденька, мнѣ на Вязьму черезъ
Тверь.

— Записывайся, тетенька, сегодня.
Это правильно—на Москву.

— Съ Лихославля пересадка, что ли?

— Да, не болтай много. Становись
въ очередь!

4.

Крики. Съ кѣмъ то дурно. Съ голоду.
Желтолицая баба упала на чье то
плечо и пустила изъ липовыхъ губъ
струйку тошнотныхъ слюней.

Вѣки порхають, вздрагиваютъ.

Кто то сбѣгалъ въ лавочку и такъ
какъ, кромѣ пыльнаго урюка, ничего
не было, купилъ бабѣ сласти.

Всѣ притихли. Ругательная бабенка въ
турецкомъ полушалкѣ истово пере-
крестилась.

Голодомъ, огромнымъ, «всероссій-
скимъ» голодомъ потянуло отъ пону-
рыхъ рядовъ.

дину, толкуются, закупая въ дорогу пищу,
вчераши «мастеровые»...

Гдѣ-то тупо обрывается въ воздухѣ
нѣчто огромное. Въ толпѣ почти без-
печно объясняютъ:

— А это на заводахъ, знаете-ли, ма-
шины взрываютъ!

— Да вѣрно-ли?

— Такъ говорятъ. Чтобы «никому»
не достались...

Ложь-ли? Правда-ли? Этой толпѣ, ко-
торая завтра разсосется по сельской
Руси, отойдетъ къ своимъ деревенскимъ
дѣламъ, мало заботы о томъ, что ста-
нется съ Петроградомъ.

Но тутъ въ мастерской толпѣ ша-
таются, блѣдные и разсѣянные, люди
интеллигентскаго склада... Имъ не без-
различно. Вхатъ изъ столицы—некуда.
Своихъ домовъ, своихъ избъ, мазанокъ,
хатъ у нихъ—нигдѣ нѣтъ. Къ тому-же
вяжутъ ихъ крѣпко къ Петрограду куль-
турныя навыки.

Завидуя слесарямъ и «краснодерев-
цамъ», въ которыхъ проснулся человѣкъ
деревни, интеллигентъ бродитъ у стѣнъ,
вычитывая съ афишекъ и летучекъ
увядшіе, какъ сентябрьскій листъ, ло-
зунги:

«Смерть, если не побѣда». «Къ оружію,
товарищи». «Соціалистическое отечество
въ опасности».

Голодь. Обреченность. Разрушенная
культура. Заколоченныя двери аудиторій.
Ни кола, ни двора.

Полукрестыяннѣ-цеховой оправится.
Интеллигенту безработному нанесенъ по-
трясающій, тяжкій ударъ. Недаромъ
такъ жадно слѣдитъ интеллигентъ за
цеховыми, ложающимися Питеръ.

Люди земли—идутъ покойно, въ об-
щемъ, въ свои Ливны, Орель, Веневъ
и Лугу. Человѣкъ городского труда,
узкихъ, но углубленныхъ навыковъ,
куда онъ пойдетъ?

Интеллигентъ сегодняшняго Петро-
града и «скрижалей брошенныхъ обло-
мковъ»,
подъ сапо-
гомъ гармо-
нкой,

II. Безработные интеллигенты.

За биржей труда, на Сытномъ рынкѣ,
счастливые скорымъ отъѣздомъ на ро-

Интеллигентные безработные у справочнаго стола.

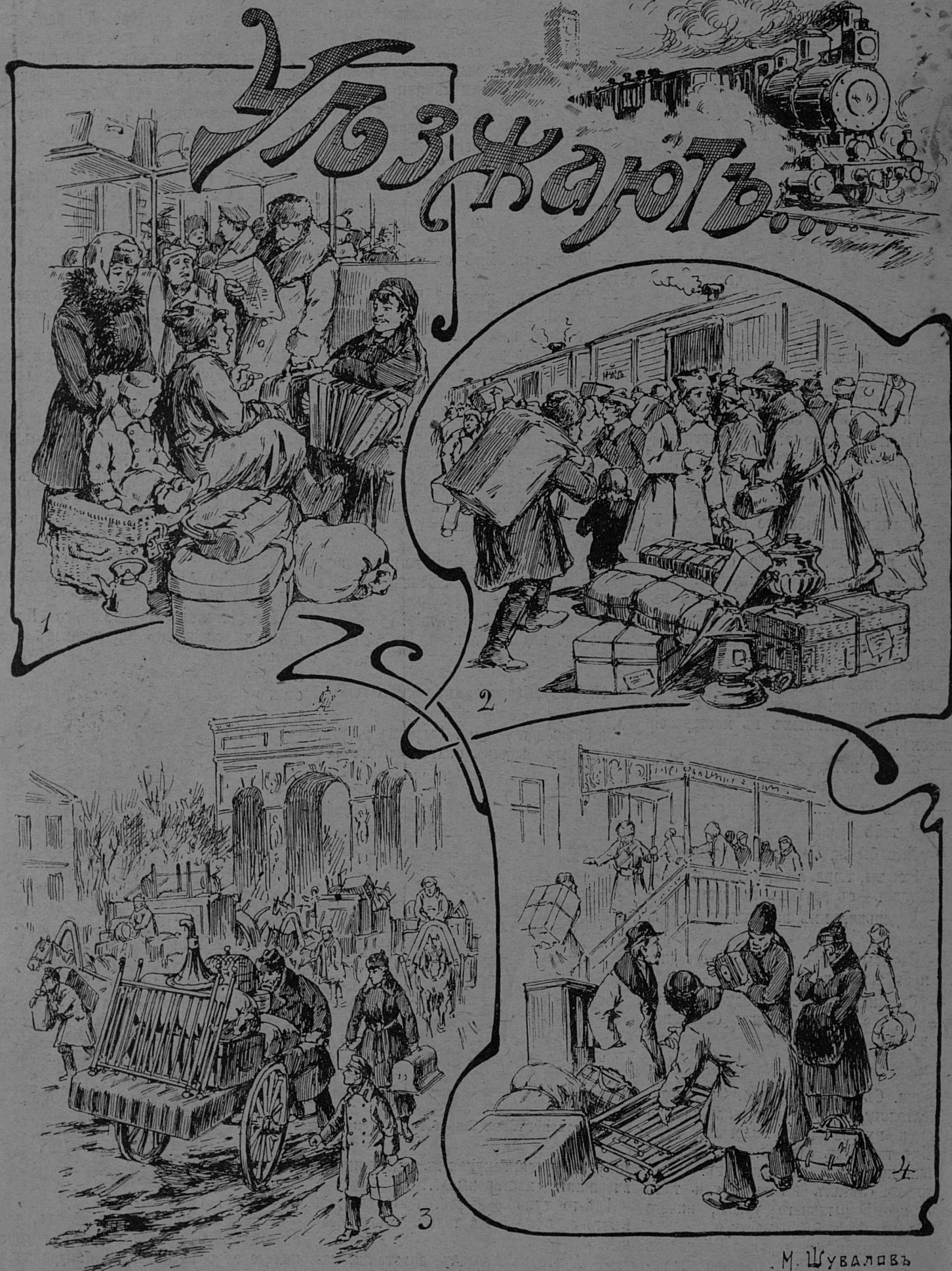
валенкомъ.
Онъ смѣетъ?

Убить?

Нѣкоторые порываются ухатъ, но за
столомъ ихъ ждетъ небрежное слово,
ничего не объясняющее, никуда не зо-
вущее...

Зато много «лозунговъ», вздергиваю-
щихъ первы.

Авгуръ.

М. ШУВАЛОВЪ

1) Въ вагонѣ 3-го класса. 2) На платформѣ Николаевского вокзала. 3) По грунтовой дорогѣ черезъ Нарвскія ворота. 4) Продажа на Николаевскомъ вокзалѣ домашняго скарба, не принятаго къ отправкѣ.